

АННА ГУР

Семья
ДЛЯ МИЛЛИАРДЕРА

С О В Р Е М Е Н Н Ы Й Л Ю Б О В Н Ы Й Р О М А Н

Одержимые

Анна Гур

Семья для миллиардера

«Автор»

Гур А.

Семья для миллиардера / А. Гур — «Автор», — (Одержимые)

У тебя на руках мой сын, — грозно произносит миллиардер и сверлит меня пронзительным взглядом. Замираю. Меня буквально парализует страхом, и холодная капелька пота скользит вдоль спины: — Все, что было, между нами, теперь в прошлом. У тебя нет никаких прав на нас с сыном, у меня новая жизнь, — отвечаю, прижимая к себе сынишку, стараюсь, чтобы голос звучал ровно, но страх сжимает клещами сердце. — Ошибаешься. Однажды ты подписала контракт, по которому права на ребенка у меня. И сейчас я наконец верну свое по праву. В машину их.

© Гур А.

© Автор

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	16
Глава 4	21
Глава 5	25
Глава 6	31
Глава 7	37
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Анна Гур

Семья для миллиардера

Глава 1

Лера

– Валерия Игоревна, сожалею, у вашего отца онкология. Диагноз подтвердился, нужна срочная операция. Счет идет на дни.

Слова врача как ушат ледяной воды. Я застываю. Воздух заканчивается, сердце будто ледяной удавкой сковывает.

Я дышать не могу, видеть не могу. Только пелена перед глазами и слезы, которые градом льются по щекам...

– Мне очень жаль...

Протираю глаза дрожащей ладонью, а Виктор Дмитриевич мне стакан воды в пальцы вкладывает, заставляет сделать несколько глотков.

– К такому никогда не бываешь готов...

Врач сочувственно выговаривает, а я... я поверить не могу... такой диагноз отца... приговор... Это больно... Это очень-очень больно...

– Неужели ничего нельзя сделать, доктор?

Голос дрожит, а я на врача смотрю, и надежда в душе плещется.

– Ну я же вам сказал, всегда есть варианты, и в случае с вашим отцом весьма неплохие шансы на благополучный исход.

– Правда?! – спрашиваю с надеждой, ладошки на груди сплетаю в молебном жесте, в глазах у меня слезы застывают, потому что за последние дни моя жизнь превратилась в какой-то ад...

Виктор Дмитриевич поправляет очки, смотрит на меня с сочувствием, но, тем не менее, весьма серьезно. Здесь явно профессиональная черта – воспринимать горе и радость пациентов как обыденность, чувствуется привычка, выработанная годами.

– В случае Игоря Николаевича возможна операция за рубежом.

– За рубежом? – переспрашиваю и в груди у меня сердце сжимается.

– Да. Я готов советовать клинику и специалистов, но это... это дорого... сумма просто космическая.

– Какая? – спрашиваю и доктор меня оглушает.

Сумма просто неподъемная. Кусаю губы и не знаю, что сказать, пальцы дрожат все сильнее.

– Это лучший вариант, я мог бы вам предложить написать в инстанции, ждать льгот и очереди, но... Валерия Игоревна, буду честен, времени нет. Счет идет на дни, и если вы найдете необходимую сумму, я могу оперативно все устроить. А так...

Замолкает, смотрит на меня своими серебристыми глазами, я же ничего ответить не могу.

– Такую сумму я даже не знаю, где взять...

Говорю заторможенно, сердце болит, чувства захлестывают. Мне кажется, что я лечу в какую-то бездну, но я стараюсь собрать себя и резко вскидываю подбородок, сцепляю руки в кулачки, выговариваю уверенно:

– Я найду необходимую сумму. Я... я обязательно найду...

– Такой настрой радует, Валерия Игоревна, – ободряюще улыбается врач и протягивает мне бумаги отца, – вот, посмотрите все документы, ознакомьтесь, но вам достаточно позвонить

мне, когда сумма найдется, дальше я возьму ситуацию в свои руки, организую все, вашему отцу можно помочь... Лера...

Я замираю на стуле, прирастаю к спинке, опускаю ошалевший взгляд на бумаги, где внизу такая цифра написана, что у меня сердце останавливается. От количества нулей голова кружится.

Плохо становится. Нечем дышать. Ощущение, что меня душат.

– Я постараюсь что-то придумать... найти сумму... – выдыхаю дрожащим голосом.

– Я вам обозначил две дороги, Валерия, вам решать, какой путь выбирать. Можно попытаться получить льготы... Быть может, случится чудо и очередь до вас дойдет быстро.

Врач говорит, но морщится, видимо, сам не верит своим же словам.

Не дожидаться нам очереди...

– Я все поняла, доктор, – отвечаю едва слышно, голос предательски дрожит, я с трудом сдерживаю слезы и прикусываю губу.

Безучастное лицо врача остается совершенно спокойным.

– Валерия Игоревна, мы делаем все, что в наших силах, но... не все в наших руках, увы...

Качаю головой. Все тело дрожит.

– Я понимаю, доктор...

Говорю, а сама думаю, откуда такие деньги найти... Таких сумм у нас и близко никогда не было... папа честнейший человек, преподаватель, которого всю жизнь ценили и уважали на кафедре, но... жили мы всегда скромно...

– Мое предложение имеет временные рамки, Валерия Игоревна...

Виктор Дмитриевич дает понять, что наш разговор окончен, а мне надо принимать решение и понять, как и что делать.

Блеклые глаза проходят по моему лицу с сочувствием, а я ладошкой держусь за скромный ворот блузки.

Пытаюсь не свалиться в истерику.

От одной мысли, что я останусь совершенно одна в этом мире, меня бросает в дрожь, холодный пот стекает по спине.

– Спасибо, Виктор Дмитриевич... – проговариваю тихо и врач кивает.

Встаю со стула на слабых ногах. Не знаю, куда себя деть. Уйти хочу, но на мгновение замираю.

– А я... я могу увидеть папу? – спрашиваю с надеждой, и доктор поджимает губы.

– Он в реанимации, Валерия Игоревна...

Слезы сами катятся по щекам, и мужчина в годах все же жалеет меня.

– Хорошо. Только на пять минут. Скажете Ольге Александровне – главной медсестре, что я позволил, хотя я сам позвоню.

Поднимает трубку и выдает лаконично, чтобы провели меня, а я иду по коридору в полном шоке, ничего не понимаю, все мимо сознания, только вздрагиваю, когда отца вижу бледного... прикованного к кровати, с трубками, которыми обвито его тело... Единственного родного человека на всей земле...

Вспоминаю, как говорил мне, когда его на скорой увозили, как пальцы мои держал:

– Лерочка, все хорошо со мной будет, ты не переживай, дочка...

Все как в тумане. Меня выводят в коридор. Я выхожу на улицу и понимаю, что дышать не могу. Тело знобит. Горячие слезы текут по щекам и голос врача в голове тарабанит:

– *Вашего отца можно спасти... Нужна операция за рубежом...*

Дохожу до остановки. Иду. Ничего не замечаю. Валюсь на лавку. Раскачиваюсь из стороны в сторону, прохожие мимо идут, безучастные к беде ревущей девчонки.

Обдумываю воспаленным сознанием, где могу достать подобную сумму...

Наша с папой двушка не стоит таких денег, никто в долг не даст столько, даже если всеми знакомыми папы скинемся, всеми соседями, да даже всем районом...

Эта сумма нереальная для простых людей, а в доме у нас и накоплений нет. Всегда с папой жили от получки до получки...

Папа меня один поднимал. Тихий, спокойный... здоровый... веселый всегда... Да и молодой он у меня. Я ранний ребенок... когда мамы не стало, отец меня растил, так и не женился...

Остался верным своей единственной любви, как он называл маму...

И жизнь у нас всегда была обычная, ничего не предвещало того ужаса, который произошел... когда в одночасье все перевернулось вверх дном.

– Вашего отца можно спасти... Нужна операция за рубежом...

Качаю головой и поднимаюсь, плетусь куда глаза глядят. Не знаю, как быть и что делать. Не нахожу выхода из сложившейся ситуации, не понимаю, как оказываюсь на дороге и слышу скрежет тормозов.

Кажется, что вся жизнь пролетает перед глазами и ничего в ней не оказывается особо запоминающегося. Машина тормозит, даже не задев меня, а я каменею, смотрю на алый капот, никак в себя прийти не могу.

– Ты что, совсем дура?! С головой хоть дружишь?! Из-за тебя, идиотки, я чуть новехонькую тачку не покорежила, не влетела в другую машину!

Меня обкладывают матом, из салона автомобиля вылетает с криком длинноволосая девушка в коротеньком платье, налетает на меня фурией, кажется, что еще чуть-чуть и вцепится мне в лицо своими длиннющими алыми ногтями, но внезапно перекошенное яростью лицо проясняется и знойная брюнетка вдруг выдыхает:

– Лерка?! Гришаева?! Лерка!

– Это же я – Машка Жучкова! Не признаешь, что ли, соседей?!

Моргаю раз-другой. И, наконец, узнаю девушку, которая перестает тормошить меня и накидывается уже не с явным желанием придушить за то, что из-за меня она свое дорогое авто чуть не поцарапала, а обнимает вполне радушно.

Отцепляется от меня и в лицо мое заглядывает. А я смотрю на девушку с яркими стрелками, алой помадой и волосами, собранными в тугий конский хвост на затылке. Сказать, что Маша, с которой мы вместе во дворе играли, изменилась – ничего не сказать. Передо мной другой человек из жизни, которую часто демонстрируют в социальных сетях.

Модная дорогая одежда, ухоженная кожа. От той прыщавой девчонки мало что осталось, разве что глаза те же с легким прищуром. В которых теперь есть налет цинизма и высокомерия по отношению к тем, кто не ездит на таких вот алых машинах...

– Узнаю, – отвечаю односложно.

– Эй, Гришаева, а чего глаза на мокром месте?! Испугалась, что задавлю?!

Всхлипываю. Ком в горле у меня будто застревает. Испугалась. Но не этого. За отца сердце болит так, что дышать не могу...

– Э... плохо дело, – считывает мои эмоции Маша, – ну-ка, пойдём-ка в машину, посидим, поговорим...

Цепляет меня под локоток и ведет к своему автомобилю, распахивает дверь с пассажирской стороны и чуть ли не силой запихивает меня, потому что я чувствую себя окаменелым бревном.

– Да прекрати сигналить, баран недалекий! Драндулет свой убрал сам!

– Ты дорогу перекрыла, не проехать!

– Обломишься!

Жучкова посылает нетерпеливого водителя, который из-за нас проехать не может, садится за руль и хлопает дверью.

– Я и забыла, что в этих окраинах одни закомплексованные нищелюбы, – фыркает и срывается с места, а у меня сил нет возразить и сказать, что вообще-то мы живем в приличном районе, но, видать, Маше виднее.

– Гришаева, ты не сиди, как пришибленная, шок словила, да? Ничего, бывает. Я сама перепугалась. Машина-то это не моя, мне ее, скажем так, поводить дали, с намеком, что если буду хорошей девочкой, то мне оставят...

Улыбается многозначительно, но до меня не очень доходит смысл этого монолога. Я все еще душевно в отделении реанимации с папой... сердце болит из-за несправедливости, из-за всего того, что обрушилось на нашу простую семью...

Всхлипываю и чувствую, как слеза проскальзывает по щеке.

Быстро утираю ее и, наконец, понимаю, что Маша везет меня не в сторону нашего дома.

– Нам налево нужно было, наша хрущевка в той стороне...

– Я знаю, где тот клоповник находится, – фыркает Мария и бросает на меня быстрый взгляд.

Ее семья давно съехала и о них вестей не было, я знала, что они в самый центр перебрались, так как у отца ее бизнес пошел, а дальше связь была потеряна.

Негоже богатым общаться с соседями из прошлой жизни.

– Хочу посидеть с тобой кофе попить. Расскажешь, что у тебя приключилось, – опять быстрый взгляд в мою сторону, – а ты, Лерка, красавица... такие данные пропадают...

Не успеваю среагировать на реплику бывшей соседки, как машина довольно резко останавливается у тротуара, Мария выходит и обходит автомобиль, открывает дверь с моей стороны.

– На выход, Лерчик, кофейку попьем, заодно расскажешь, чего такая потерянная.

Выхожу из автомобиля. Мне сейчас так плохо, что все равно куда идти, хочется выговориться и Жучкова становится тем человеком, которого воспринимаешь попутчиком в поезде, изливаешь душу.

Мы садимся в кафе у окна, Мария сразу же деловито делает заказ, я отказываюсь от всего, но девушка отмахивается.

– Ей принеси то же, что и мне, – командует официанту, который вежливо кивает.

– Ну, рассказывай, Лер. Что стряслось у тебя?

И я начинаю говорить... Делюсь всем ужасом, который приключился с нами...

– Такие суммы... Такие цифры...

Всхлипываю.

– М-да. Операция дорогая... Шмотки твои не тянут на прикид дочери олигарха. Денег у вас ведь совсем нет, да?

– Нет. Я... я не знаю, что делать... Может быть, в банк надо, но вряд ли настолько большой кредит дадут...

Кусаю губы. Повторяю слово в слово разговор с врачом и называю сумму, которая необходима для операции.

Маша присвистывает.

– Ничего себе, Гришаева, тут действительно хоть почку продавай, – выдает с легким смешком и на меня смотрит, а мне эта мысль уже перестает казаться столь невероятной.

– А почку продать... это дорого? Хватит отца спасти?

Спрашиваю и отодвигаю от себя чашку с кофе, к которому даже не притронулась. В горле горчит.

– С ума сошла?! – спрашивает Маша со смешком, а я закрываю лицо руками и утираю слезы.

– Мне не достать столько денег за короткий срок, я не знаю, что делать... Не знаю, как быть...

Жучкова прищуривается, окидывает меня пристальным взглядом, даже чуть вбок наклоняется, чтобы иметь возможность оглядеть меня с головы до пят.

– Красивая ты девка, Лерка, ноги длинные, рост хороший, лицо интересное... Шатенка с бледно-зелеными глазами... Модельная внешность...

– Я спрашиваю, как мне папу спасти, а ты мне про внешность?! – выговариваю с обидой.

– Ну, скажу честно, Гришаева, таких денег у меня нет, помочь с такими проблемами не смогу.

Опять цепкий взгляд и слова, заставляющие меня подобраться:

– Но кое-что, конечно, подсказать смогу...

Глава 2

Вся подбираюсь, готовая выслушать Марию. Надежда вспыхивает в душе, и я даже забываю, как дышать.

– Что? Что подскажешь?

Маша вновь внимательно смотрит в мое лицо.

– Черты у тебя правильные, Лер, что называется, аристократичные, тонкие, волосы длинные, роскошный каштан. Даже твое барахло затрапезное тебя не портит. Наоборот, смотришься классно. Если тебя в салон загнать, да немного поработать стилистам, приодеть... Глаз оторвать от тебя невозможно будет, и знаешь что, подруга, я вот тебе что скажу: в этой жизни ставку нужно на внешность сделать и на быстроту. Время скоротечно, надо устраиваться, пока молодая, пока кожа упругая, а то молодость – это именно то, что с годами эффективно лечится, я вот уже сейчас кое-чем подкалываю лицо, чтобы красоту свою подольше сохранить. Потому что знаю, второго шанса устроиться в этой жизни у меня не будет. Я здраво оцениваю свои возможности и чего уж таить, у меня нет и близко таких природных данных, как у тебя... А сейчас именно природная красота ценится наиболее высоко.

Пока Мария изрекает свои умные мысли, мне совсем плохо становится. Надежда, что на мгновение ожила в груди, словно гаснет, меркнет, исчезает.

– Особо богатые мужчины готовы платить очень высокую цену, чтобы иметь возможность лицеизреть рядом с собой естественную, незамутненную красоту, а ты... дорогая моя, чистая находка, так что... если воспользуешься моим предложением и обратишься в мое модельное агентство, я уверена, тебе быстро найдут работу.

С каждым словом Маши апатия все больше наваливается на меня, кажется, что плечи мои под тяжестью и гнетом уже стремятся к полу, меня сгибает.

А я смотрю на красивую девушку, которая себя полностью изменила и совсем не похожа на себя прежнюю, и говорю четко:

– Знаешь, мне как-то сейчас не до вопросов внешности, я думала, ты чего-то дельного сможешь посоветовать.

– Я-то советую вот прямо сейчас, но вряд ли ты воспользуешься. Есть у меня агентство модельное. Вот хороший плацдарм для того, чтобы взлететь. Выйдешь в свет, фоточки, засветишься и на тебя обязательно кто значимый и влиятельный поведется, а там дело техники. Раз-два, попросишь о помощи, глядишь, и операцию отца твоего спонсируют.

Киваю и окончательно отставляю от себя чашку. Все ясно.

– Спасибо за кофе, Маша, мне пора. Извини.

Резко встаю, но бывшая подруга ловит меня за руку, сдавливая немного запястье.

– Зря ты такая гордая, Лера. В этой жизни вертеться надо, а ты... я тебе дельное предлагаю. Продвижение. Не говорю, что у тебя сразу все получится, немного покрутиться надо, повертеться, пара показов, глядишь, и все получится. Жизнь худо-бедно устроена будет и шанс на спасение тоже останется.

– Я правда благодарна тебе, Маша, за попытку помочь, я пока постараюсь найти решение проблемы иным способом. Есть еще время зайти в пару банков. Возможно, мне все же удастся взять кредит... Понимаешь, я, как отец, по-честному жизнь прожить хочу...

Кивает. Прищуривается.

– Ага, по-честному. Ну и где сейчас этот честный человек? Денег на операцию нет.

Ударяет под дых, и я сглатываю едкий ком.

– Спасибо за кофе, Маша.

Встаю. Больше ничего говорить не хочется. Обсуждать не хочется. Иду вперед. На глазах слезы наворачиваются, но я заставляю себя идти и не оглядываться.

Не тот путь Мария мне подсказала. Не могу я так. Неожиданно меня за локоть хватают. Оборачиваюсь и в удивлении смотрю в лицо Маше.

– Ты там что-то про врачей говорила. Чуть ли не почку продавать собиралась, чтобы отца вызволить, – выговаривает с улыбкой, – ну так вот. Это номер клиники, позвони им. Если тебе нужны настолько большие деньги, возможно, им понадобятся твои услуги.

Вкладывает мне визитку в руку. А я по инерции ее в карман засовываю. Ухожу от Марии. По дороге захожу в банк. Расспрашиваю про возможность взять кредит, но чем больше я говорю с улыбочивым менеджером, тем более натянутой становится его улыбка, и я понимаю, что шансы мои получить такую сумму стремятся к нулю.

– К сожалению, вы не можете поставить в залог квартиру, ситуация сложная... Мы вам позвоним, – дежурно вворачивает словечко, заученное, видимо, наизусть, и выдыхает, а я понимаю, что если и позвонят мне, то только для того, чтобы отказать.

Я возвращаюсь домой. Иду по лестницам, потерянная вся, не знаю, что делать, кому звонить, у кого помощи просить.

Захожу в нашу квартирку и завариваю себе горячий чай. Мне холодно. Смотрю в окно. Беру телефон, достаю старенькую отцовскую записную книжку и провожу пальцем по номерам.

Решаюсь просить в долг, но спустя пару часов звонков я понимаю, что такой суммы мне никогда не набрать. Даже десятой части наскрести не удалось.

Опять вспоминаю слова Марии, ее намеки и достаю визитку из кармана.

Присматриваюсь к цифрам, читаю адрес и сжимаю телефон в руке. Больше у меня никаких вариантов нет, осознаю это и набираю цифры, слышу долгие гудки...

Мне отвечают сразу же. Администратор задает уточняющие вопросы, на которые я, растерявшись, отвечаю. Уточняет возраст, имя и фамилию. Просит взять с собой медицинскую карту и назначает прием завтра на девять утра. Называет адрес, по которому я должна прийти.

– Хорошо, Валерия Игоревна, я добавила вас в список соискательниц.

– Соискательниц? – спрашиваю ошалело.

– Да. Машина подъедет за вами по указанному адресу. Всего хорошего.

Все происходит настолько стремительно и оперативно, что я просто теряюсь. Со мной прощаются и в трубке повисают гудки, а я же нахожусь в таком состоянии жутчайшего шока, что просто не понимаю, что происходит...

Пялюсь на телефон, пожимаю плечами, так ничего и не поняв. Видимо, успокоительные, которое я успела принять, на меня действует, безумно клонит в сон, поэтому я просто не могу больше думать и анализировать, состояние у меня ужасное, поэтому я захожу к себе в комнату, с трудом стягиваю с себя одежду, надеваю старую теплую пижаму и укутываюсь в одеяло, ложусь в кровать, обнимаю обеими руками подушку и слезы скатываются по щекам, а веки сами собой закрываются.

Меня уносит в беспробудный, тяжелый сон без сновидений, а будит назойливая трель телефонного звонка. Выныриваю из кокона одеяла и нахожу мобильник в постели, видимо, я его с собой принесла.

Голова совсем не соображает, я отвечаю в трубку хрипкое:

– Аллю.

– Валерия Игоревна. Это водитель. Я жду вас у подъезда.

Хлопаю глазами, пытаюсь понять, что за водитель, чуть ли не говорю, что номером ошиблись, но останавливает то, что меня назвали по имени-отчеству, и вдруг как из омута выныриваю. Понимаю, что вчера же я звонила и договаривалась...

Понятно, что ничего не понятно. Но я отчего-то цепляюсь за эту соломинку и говорю твердо:

– Я спущусь через десять минут.

Мужчина отключается, а я спрыгиваю с кровати, лечу в ванную и привожу себя в порядок, волосы завязываю в хвост, умываю лицо и заглядываю в зеркало, откуда на меня смотрит запуганная шатенка с зеленоватыми глазами и синяками под глазами.

Кажется, за последние дни я сильно похудела. Нервы не позволяют есть, да и пить не могу. Кусок в горло не лезет.

Быстро закрываю кран и вылетаю из ванной, одеваюсь так же стремительно. Достāju чистые брюки и блузку, влезаю в балетки и на всякий случай прихватываю документы, которая просила девушка.

Уже спустя несколько минут я лечу вниз по лестницам. Выхожу из подъезда и сразу же вижу серый автомобиль. Обычный седан, к которому направляюсь и сажусь на заднее сиденье.

– Валерия Игоревна? – уточняет водитель, серьезный мужчина средних лет, и я киваю.

Мужчина кивает в ответ и плавно выезжает со двора, вклинивается в поток автомобилей, а я из окна смотрю и отчего-то вспоминаю, как в детстве мы в гостях были, а я во дворе бегала и на деревья с ребятней лазила, сильно ударилась, когда с того самого дерева падала, расчесала руки, колени и как папа меня на руки подхватил, поймал, не дав на землю рухнуть, в дом занес.

– Что же ты неосторожная такая, Лерка...

– Соскользнула...

– Не соскальзывай, папа всегда на подхвате...

Сказал тогда и улыбнулся. Это воспоминание сменяется другим, болезненным, вчерашним, я вижу отца, прикованного к койке, обвитого проводами...

Здоровье самое ценное, что может иметь человек, его не купить, но есть надежда на операцию, как заверил доктор, папу можно спасти...

Слезы вновь текут по щекам, озноб пробегает по коже. Мне безумно больно, я сползаю по сиденью и кусаю губы, чтобы не зарыдать в голос, чтобы не впасть в истерику, не привлечь внимание молчаливого водителя еще больше... потому что мне нельзя ломаться, я должна быть сильной, ради папы...

– Приехали.

Вклинивается в мои мысли голос водителя, и я бросаю взгляд на серьезное медицинское учреждение. Центр планирования семьи.

Тревоги немного отпускают, когда мужчина вежливо дает направление, куда мне идти.

Я киваю, прижимая сумку к груди. Захожу в фойе и замечаю сотрудницу администрации, подхожу к ней. У меня сразу же просят паспорт. Уточняют личность, затем улыбаются нейтрально.

– Второй этаж, двадцать первый кабинет.

Получаю направление и спустя несколько минут останавливаюсь у нужной двери. Читаю надпись на золотой табличке. Альфия Муратовна Бронницкая. Глава отделения планирования семьи и репродукции. Стучусь и прохожу в кабинет.

– Валерия Игоревна, здравствуйте! – при виде меня подтянутая женщина в белоснежном халате лаконично улыбается. – Проходите, присаживайтесь.

– Здравствуй, – отвечаю тихонечко, мысленно я примерно предполагаю, куда попала и зачем, но все как в тумане. Состояние шока, стресса, апатия и хорошая доза успокоительных, которые все еще не отпускают, делают свое дело.

Я занимаю место перед врачом, которая внимательно осматривает мое лицо. Цепкий взгляд карих глаз доктора, внимательный.

– Вы бледны. Как у вас с давлением? – вопрос звучит по-деловому, женщина протягивает руку и забирает у меня мою медицинскую карту.

– Я не знаю. Вроде проверяли в последний раз на стационарном обследовании. Все показатели были в норме.

– На лицо состояние серьезного стресса, – опять проговаривает женщина, на мгновение отрываясь от бумаг, которые изучает, вновь смотрит на меня.

Короткая стрижка, тонировка волос, приятное лицо доктора, аристократичные черты. Худощавость. Все в этой женщине говорит о ее собранности и высоком профессионализме. Но при этом по ее взгляду я понимаю, что, что бы здесь ни было, я экзамен провалила и мне сейчас откажут, так как у меня слишком нездоровый вид, который врач определила по одному взгляду.

– Принимаете какие-нибудь лекарственные препараты?

Вновь хлесткий взгляд в мою сторону, и я отвечаю, немного смутившись:

– Вчера выпила успокоительного. Сначала несколько капель настойки, так как казалось, что поначалу не действуют, затем увеличила допустимую дозировку, не знаю насколько, но потом меня просто сморило в сон.

Хмурит брови, затем их слегка приподнимает и по скепсису взгляда понимаю, что меня только что посчитали дурой.

– Я сейчас вам, Валерия Игоревна, как врач говорю: любой препарат пьется строго по инструкции. Это вам для дальнейшего, чтобы знали, и если получите назначение, то следовать ему нужно по часам.

Киваю. В принципе, врач говорит то, что я знаю, но я, кроме витаминов, за всю свою жизнь ничего не пила из лекарств, ну и жаропонижающие. На здоровье никогда не жаловалась.

– Есть заболевания хронические или наследственные болячки? – опять короткие поясняющие вопросы, пока женщина листает документы.

– Нет, я здорова.

Отвечаю то, чему подтверждение она видит в моей медицинской карте.

– Никаких особенностей генетики?

– Нет... вроде... я... честно говоря, не знаю... но насколько мне известно, все у меня здоровые были в роду... для более внятного ответа, наверное, нужны анализы...

Вскидывает бровь, вновь смотрит на меня. Я не чувствую враждебности со стороны женщины, как и положительных эмоций ее не чувствую. Холодный профессионализм.

– Разумеется, мои вопросы имеют номинальный характер, при одобрении вашей кандидатуры все необходимые анализы будут сданы.

По тому, как говорит врач, я уже понимаю, что хочет мне сказать.

Я не подхожу...

– Есть проблемы по гинекологии? – опять скупое интересуется врач и я пожимаю плечами.

– Вроде нет.

– Цикл стабильный или есть нарушения?

– Стабильный...

– Есть ли препараты, которые употребляете, пероральные таблетки?

– Нет. Иногда таблетку от головной боли могу выпить и все.

– Ну, это, в принципе, достаточно хорошо. Наши заказчики очень внимательно и педантично относятся выбору суррогатных матерей...

Слова для меня становятся оглушительными...

Я внутренне догадывалась, куда именно попала, но сейчас, когда врач озвучивает все вслух, мне становится не по себе...

Горло сдавливает комом. Умом я понимаю, что суррогатная мать – это инкубатор, в котором живет чужой ребенок, но отчего-то у самой сердце сжимается от понимания, что можно вот так...

– Суррогатных матерей? – переспрашиваю, ощущая сухость на губах.

Мне бы по-хорошему встать сейчас и бежать из этой клиники и от этого врача, но врач, будто не замечая моего шока и мандража, продолжает:

– Не удивляйтесь. С нашей клиникой сотрудничают влиятельные и состоятельные люди и, конечно, они очень тщательно следят за здоровьем соискательниц, иногда даже педантично, но это все из благих помыслов, ведь от этих факторов зависит здоровье малышей. Однако замечу, что финансовая сторона вопроса полностью покрывает все.

Делаю глубокий вдох.

Дыши, Лера, просто дыши...

Убеждаю себя, но сама нахожусь в шоковом состоянии. В моей жизни все происходит стремительно и непонятно совершенно.

Вчера я услышала диагноз отца, а сегодня выслушиваю лекцию относительно суррогатного материнства... и являюсь соискательницей... претендую на то, чтобы меня выбрала какая-то богатая семья, чтобы я выносила их малыша...

И где-то это, может быть, даже очень благородно, ведь помогаешь людям, которые мечтают о малыше, но по каким-то причинам не способны иметь детей...

Что же я здесь делаю? – задает вопрос одна часть меня, а вот вторая... более прагматичная цепляется за слова о том, что за подобные услуги платят очень много...

Я прирастаю к стулу и сижу с прямой напряженной спиной, пока доктор внимательно изучает мою карту. Отчего-то опять в глазах жечь начинается. Слезы подкатывают и становятся комом поперек горла.

– Так... так... так... – проговаривает Альфия Муратовна, пока листает мою карту, как вдруг замирает, поднимает глаза от листа, который только что изучала, и упирает в меня строгий взгляд, суровый, я бы сказала, а у меня на душе такой кавардак и столько эмоций гуляет, что сил как-то реагировать просто нет, поэтому я встречаю насупленный взгляд женщины весьма ровно.

– Здесь написано, что у вас не было партнеров.

Смущаюсь такой прямооты. Не знаю, что ответить. Мне словно в укор этот факт ставят. Хотя ничего подобного у меня в книжке по факту не написано, просто, когда проходила в гинекологический кабинет, уточняла факт отсутствия половой жизни и врачи меня с легкостью отпускали.

– Вынуждена вам отказать, – отвечает резковато врач и захлопывает мою медицинскую карту, – вы нам не подходите. Сожалею.

В принципе, ничего из ряда вон не происходит. Я уже чувствовала, что не подхожу. По настрою и по глазам видела.

Но я не успеваю забрать свои документы, как дверь в кабинет доктора открывается. При чем в нее буквально влетает мужчина без стука. Одетый в дорогой костюм, он выглядит так, будто его что-то сильно удивило.

– Альфия, ты... ты не поверишь! – начинает и осекается, заметив меня, сидящую на самом краешке стула.

Я также в свою очередь поднимаю глаза на незнакомца. Дорогая одежда, часы на запястье золотые, безукоризненный шелковый галстук. Лицо маловыразительное, но сейчас излишне заинтересованное, будто диковинку какую-то увидел и глаз оторвать не может.

– Натуральная шатенка с бледно-зелеными глазами... Надо же...

Выдает будто на автомате и продолжает слишком откровенно меня рассматривать.

– Что за девушка? – спрашивает совершенно бестактно у врача и обращает внимание на мою карту, которая захлопнута и лежит на столе у Альфии Муратовны так, что на титульном листе виднеются мои имя и фамилия.

– Ничего особенного, Виталий Петрович, девушка нам не подходит. Я была вынуждена ей отказать ввиду несоответствия нашим требованиям.

Врач излагает свои мысли строго и профессионально.

– Почему вы так решили, я могу уточнить? – уже более холодно интересуется мужчина.

Если в первую секунду мне показалось, что он взбудоражен, и причем очень сильно, то сейчас я вижу сухого и безэмоционального собеседника, который забирает мой документ и принимается внимательно читать, скользя строка за строкой, обращая внимание на пометки.

– Причина отказа на тринадцатой странице, – поясняет доктор и мужчина быстро перелистывает, а я... я готова сквозь землю провалиться... Стыд охватывает так, что у меня щеки алеют.

И где-то я понимаю, что, возможно, здесь чисто профессиональный интерес, но... это как-то очень лично, вот так вот с ноги лезть в мои документы совершенно незнакомому мужчине.

Но за мыслями и шоком я не успеваю среагировать, как этот самый Виктор Петрович останавливает взгляд и будто замирает.

Через секунду он закрывает мою медицинскую карту и протягивает мои бумаги. По его строгому лицу понять я ничего не могу, но забираю свои документы, ощущая какое-то дикое смятение, но седовласый подтянутый мужчина за шестьдесят никак не комментирует то, что он прочитал.

– Валерия Игоревна. Мы вам позвоним. Держите телефон включенным.

Глава 3

– Да... я... конечно... Я готова.

Мужчина спокойно выслушивает мой неразборчивый лепет.

– Хорошо, тогда подъезжайте... обговорим все детали сотрудничества и моего предложения.

Отключается, а я вновь смотрю в небеса и пытаюсь понять, был ли это тот самый шанс, о котором я так сердечно просила.

Конечно, я как утопающий хватаюсь за эту соломинку, ведь звонок произошел именно тогда, когда я молилась и просила...

Как добираться до дома, сама не понимаю...

– Лерочка? – голос соседки доходит как сквозь вату, поднимаю глаза и встречаюсь с Анастасией Николаевной взглядом.

Милая пожилая женщина с морщинистым лицом и седыми волосами, собранными в гульку, выглядывает из проема двери.

Странная женщина, которую не особо жалуют наши соседи, всегда относилась ко мне вполне адекватно.

– Как папа? – спрашивает и окидывает меня цепким сочувствующим взглядом.

Качаю головой и слезы, что копились, вновь текут по щекам, а я быстро утираю рукавом глаза.

– Нужна операция, – отвечаю тихонечко и старушка – соседка по лестничной площадке, ловит меня за локоть.

– Пойдем, милая, зайдем ко мне, чаем тебя напою, составишь нам с Марсиком компанию.

Я настолько разбита, что просто позволяю женщине затянуть меня в квартиру. Перед ногами сразу же стрелой проскальзывает огромный черный кот с распушенным хвостом.

– Ты иди... иди умойся, руки помой, а я вам чаек поставлю...

Женщина толкает меня в спину в сторону уборной, и я пользуюсь ванной комнатой, быстро умываюсь, выхожу и иду в сторону гостиной.

В квартире приятно пахнет, все опрятно, разве что какие-то странные штуки на стенах висят. У моей школьной подружки было нечто подобное. Кажется, называется «ловцом снов».

Как раз замечаю, как Анастасия Николаевна чашки с чаем ставит и варенье в пиалу накладывает.

– Подходи, Лера, садись, – машет в сторону небольшого кресла, и я смиренно иду к нему, сажусь и понимаю, что опустилась на что-то слишком мягкое, подпрыгиваю и понимаю, что черный кот спрыгивает с насиженного места и быстро бежит в сторону.

– Простите, не заметила, – теряюсь, обращаю взгляд в сторону бабушки, но женщина лишь кивает мне, чтобы села.

– Ну что врачи говорят? – расспрашивает меня и я рассказываю и про операцию, и про деньги, которые негде взять.

Скромная одинокая старушка, живущая на одну мизерную пенсию, сочувствует, но, разумеется, как и все, ничем мне помочь не в состоянии.

– Ничего, Лерочка, образуется все. Нужно надеяться, – говорит многозначительно, а затем вдруг улыбается мне. – А хочешь, я тебе погадаю? У меня в роду были ведьмы, знаешь?

Не могу понять, шутит ли Анастасия Николаевна или просто возраст у нее соответствующий, когда путаешь реальность и выдумку, поэтому я лишь пожимаю плечами неопределенно, а женщина вдруг забирает мою чашку с допитым чаем и на чайники смотрит, которые прилипли ко дну и стенкам, а затем на меня взгляд поднимает какой-то тревожный, удивленный...

– Надо же...

Выдыхает старушка и продолжает чашкой из стороны в сторону водить, будто пытается что-то разглядеть, и брови седые на переносице смыкаются.

– Давненько я такого не видела...

Бурчит опять себе под нос, и я не выдерживаю, подаюсь вперед и, несмотря на весь свой скепсис, спрашиваю:

– Что там, Анастасия Николаевна?

Бабуля прикусывает губу, смотрит в чашку с умным видом и глаза прищуривает. Мне кажется, что она специально нагнетает обстановку, но вот вторая часть меня замечает, как соседка немного бледнеет и, наконец, взгляд становится расфокусированным и растерянным.

– Мужчину вижу. Лера. Непростого мужчину...

Подает голос бабушка и я с надеждой спрашиваю:

– Папу?

Сердце пропускает удар, и я вся сжимаюсь.

– Отца тоже я твоего вижу, вон там, у основания, во тьме он... Болезнь вижу...

Киваю. Ну, конечно, бабушка будет видеть подобное, учитывая, что я тут битый час рассказывала о состоянии отца и, разумеется, упоминала про болезнь и лечение.

– Он завис у тебя между мирами. Не там и не здесь...

Отчего-то сердиться начинаю. Ведь я только что рассказала, что отец в себя не приходит, на аппаратуре его держат обеспечения жизнедеятельности. В глазах начинает колоть от обиды, ведь добродушная соседка сейчас обыгрывает все то, что я ей рассказала, и выставляет факты в таком свете, чтобы я поверила в ее способности какие-то...

Жестоко так играть на чувствах...

Хочу уже подняться, поблагодарить за чай и скрыться за дверью нашей квартиры, чтобы вдоволь наплакаться, как Анастасия Николаевна выдает:

– Нет. Не отца я твоего вижу. Тут другое... Тут такой мужчина...

Передергивает плечами, будто ей холодно становится.

– Такое ощущение, что он из цельного куска металла... золота... глыба сияющая...

– Золотой, что ли?! – спрашиваю и у меня с губ срывается нервный смешок. Кажется, соседка переигрывает.

– А вот не знаю. Мощь идет от него. Сила... Редкий мужчина... притягательный и отталкивающий... лед и пламя в нем... обжечь может...

– Ладно, – поднимаю руку и на губах пытаюсь выдавить улыбку, – спасибо вам за чай и варенье, но мне идти нужно.

Весь этот фарс мог бы показаться интересным, если бы не обстоятельства, в которые я попала. Вот и сейчас захотелось поверить в любую чушь и получить надежду, чтобы добродушная соседка по лестничной площадке сказала, что все у меня хорошо будет, что папа выздоровеет и деньги найдутся, но Анастасия Николаевна решила зайти с другого края и напугать меня еще больше...

– Я сейчас не в том состоянии, чтобы в моей чашке мужчины виднелись, – говорю с легкой улыбкой, чтобы не особо обижать пожилую женщину.

– А он тебя спрашивать не будет... Я даже представить не могу... Мощь там такая... Слов нет, чтобы описать, что именно я сейчас испытываю... Такой мужчина там, Лера... завидовать тебе будут, ненавидеть... а вот я... ..

Ясно, что ничего не ясно. У соседки моей, видимо, деменция, или еще что-то на старости лет. Не виновата она, что рассудок подводит, поэтому я просто улыбаюсь нейтрально и пытаюсь аккуратно вынуть запястье из захвата бабушки, а она продолжает говорить и смотрит будто сквозь меня...

– Я пока только жалею тебя... девочка...

Обращаю внимание на Марсика, который выходит из-за угла, застывает и смотрит на меня своими зелеными глазами, распушив хвост. А у меня мурашки бежать начинают по спине холодные.

– Пойду я, пожалуй, Анастасия Николаевна, спасибо вам за гостеприимство...

Подняться хочу, но соседка вдруг притко руку вскидывает и мое запястье ловит, сжимает немного, а я чувствую ее горячие суховатые пальцы и теплом отдает сразу же, когда бабушка вдруг выдает:

– Звонок тебе будет. Не бери трубку. Лучше не бери... Такое тебя ждет... Странное и неоднозначное... Я бы не взяла...

А потом отпускает мою руку резко и в глаза смотрит.

– Хотя... ой... Лерка... ведь ты уже ответила на этот звонок...

Киваю своим мыслям. Улыбаюсь и пытаюсь не обижаться на бабушку, которая явно не в себе.

– Пойду я. Спасибо за чай, – отвечаю ровно.

Мне бы хотелось, чтобы она мне хоть бы на словах сказала, что у меня хорошо все будет, дала надежду, но Анастасия Николаевна решила еще большего тумана нагнать.

В принципе, я знаю, как работают такого рода шарлатаны. Выуживают из тебя информацию, а потом сами ее и подают под соусом прорицательства, вот и тут, может быть, соседка не со зла, но все же...

Золотого мужчину мне напорочила...

Соседка меня больше не задерживает. Идет за мной к дверям и молча закрывает за мной. При этом выглядит очень усталой и выдает напоследок:

– Утомила ты меня, Лерка, поспать мне нужно, а ты потом приходи ко мне, подарочек свой приноси...

Дверь захлопывается за моей спиной, и я вздрагиваю, направляюсь к своей квартире и будто опоминаюсь, вспоминая, что мне встречу назначили, на которую я уже почти опоздала...

Я залетаю в квартиру и решаю, что завалиться в ресторан на встречу в том виде, в котором меня уже видели, будет не по-деловому, поэтому я быстро иду к гардеробу и достаю оттуда свое старое платье.

Строгое, черное, закрытое, с рукавом три четверти. Как шутила моя подруга Таня, обзывала этот мой наряд рясой монашки.

Хотя платье вполне себе приталенное, с юбкой чуть ниже колен и строгим квадратным вырезом. Оно меня взрослит, но в данной ситуации – самое то.

Собираю свои волосы в пучок на затылке, и чтобы скрыть бледность и круги под глазами, наношу тоналку. Меня уже успела отчитать Альфия Муратовна.

Поэтому я замазываю темные круги, и чтобы уж совсем не выглядеть бледной поганкой, наношу на губы немного розового блеска.

Беру сумочку и выхожу из дома. Готовлюсь идти к остановке, чтобы на автобусе добраться до обговоренного места, чуть не спотыкаюсь, когда вижу, что во дворе припаркован уже знакомый седан.

При виде меня водитель слегка моргает фарами и мне требуется лишь мгновение, чтобы собраться и рассудить, что, в принципе, такое решение проблемы оптимальное.

Ковылять до остановки, ехать с пересадкой и все равно опоздать, или ехать с комфортом на машине. Ясно, какой из этих вариантов предпочтительнее.

– Добрый вечер, простите, я не знала, что вы приедете за мной...

Заговариваю с водителем, чтобы скрыть неловкость. Все тот же собранный мужчина с ничего не выражающим лицом бросает короткий взгляд в зеркало заднего вида и спокойно проясняет:

– Виталий Петрович распорядился.

Говорит как само собой разумеющееся и вырывается, въезжает в поток автомобилей, а я кусаю губу.

Смотрю на бритый затылок молчаливого водителя и хочется поговорить, чтобы хоть как-то свою нервозность скрыть, услышать голос человека и понадеяться, что все будет хорошо...

Но я одергиваю себя и заставляю не думать о своих проблемах, которые огромной грозой тучей сгущаются над моей головой, и мне кажется, что в отдалении я раскаты грома слышу и молнии сверкают так же рьяно.

Спустя мгновение понимаю, что мне не кажется. На улице зарядил дождь. Сильный. Похожий на самую настоящую бурю. Погода будто с ума сходит и мне хочется плакать вместе с ней, чтобы выпустить из себя всю боль, все чувства, все вообще...

Хочется не думать. Скрыться в своем мирке, где все хорошо, где папа здоров и все у меня еще впереди, где есть место надеждам на счастливое будущее, на встречу с парнем, которого люблю...

Но передо мной лишь выбор. Выбор, который такой тяжелый, что я предпочитаю не думать о том, что именно мне предстоит.

– Вот это погода, – слышу бурчание водителя.

Надо же, я и забыла, что он не киборг, а живой человек, способный высказывать недовольство.

– Я приторможу. Переждем, а то еще в аварию вмажемся. Ни черта не вижу.

Водитель поражает меня обилием слов. Я уж думала, что он только односложно способен выражаться.

– Да-да, конечно... – отвечаю, как будто от меня может что-то зависеть, ведь решение уже принято, и машина остановилась у обочины.

Молчание вновь наполняет салон и мне все более непривычно становится. Кусаю губы. Нервничаю и смотрю на мужчину, который внимательно смотрит в лобовое, по которому усиленно тарабанит дождь.

– А вы давно работаете на Виталия Петровича?

Вопрос слетает с моих губ неожиданно даже для меня.

– Достаточно, – отвечает водитель, но прежде, чем я осмелюсь задать очередной вопрос, строго пресекает: – Ну вот, кажется, дорогу уже видно, мы почти доехали.

Больше ничего не говорю. Откидываюсь на сиденье и спустя несколько минут мы действительно подъезжаем к ресторану.

Дверь передо мной открывает метрдотель и стоит мне выйти, как сразу же над моей головой распахивается зонт.

Я прохожу сквозь стеклянные двери и сразу же встречаюсь взглядом с элегантной блондинкой, которая окидывает мой скромный наряд внимательным взглядом.

– Меня ждут, – сразу же нахожусь я, – Виталий Петрович...

Пытаюсь вспомнить, слышала ли я фамилию мужчины, но эта информация ускользает от моего сознания. Девушка, однако, без лишних вопросов понимает, о ком именно речь, кивает мне и поясняет лаконично:

– Следуйте за мной.

Я иду за высокой точеной девушкой, ощущаю себя в этом фешенебельном ресторане какой-то нищенкой, особенно когда меня награждают едкими и колючими взглядами некоторые посетительницы.

Лоск, белоснежные скатерти, хрустальные люстры, которые свисают с потолка и делят все на зоны...

Сюда простым людям вход заказан, и вот только теперь я понимаю, какой именно масштаб у людей, с которыми мне предстоит проходить собеседование...

Мне отчего-то кажется, что Виталий Петрович будет не один, а, скажем, вместе с ним ожидаю увидеть богатую пару...

Мысли мои куда-то утекают, но реальность все же иная. Наконец, девушка останавливается у углового столика, который скрыт от остального зала роскошными орхидеями.

– Валерия Игоревна, – при виде меня мужчина поднимается, и мы обмениваемся рукопожатиями.

Сухо, по-деловому. Приветствие. И я занимаю место напротив мужчины в идеальном костюме. Виталию Игоревичу явно за пятьдесят. Чисто выбритый, с суровым и цепким взглядом карих глаз, которые спокойно скользят по моему лицу.

Неловкость момента разбивает официант, возникший словно из воздуха. Мужчина раскладывает перед нами меню в кожаном переплете с золотым вензелем и я понимаю, что даже открывать не буду сие произведение искусства.

Мне не по карману ничего из того, что там есть...

Глава 4

– Валерия Игоревна, что предпочитаете? Мясо? Рыбу? Птицу? Здесь подают отменный “Моренго” из телятины по личному рецепту Поля Бокюза. Один из лучших шеф-поваров современности, кстати. Был в его ресторане в Париже и остался весьма и весьма доволен...

По мере того, как Виталий Петрович нахваливает ресторан и его эксклюзивные блюда, у меня аппетит напрочь пропадает, и это учитывая, что из еды я сегодня пила только чай, которым меня угостила моя соседка.

Возможно, Виталий Петрович просто проявляет обычную галантность, но я решаю обрубить все на корню.

– Господин...

Пауза на осознание, что я прослушала фамилию, и мой собеседник произносит:

– Бронницкий.

– Господин Бронницкий. Мы здесь вроде по делу. Я не голодна. И хотелось бы поскорее решить наши вопросы.

На мгновение после моей пламенной речи повисает пауза. Мужчина цепко смотрит на меня, поджигает и без того узкие губы, и я понимаю, что владелец клиники не так прост, как кажется.

– Давайте договоримся на берегу, Валерия Игоревна, подобный тон в дальнейшем, если мы с вами подпишем контракт, недопустим с моими клиентами. Имейте это в виду. Люди, которые готовы выложить баснословные деньги за услуги определенного рода, излишне щепетильны. Что касается нас с вами, – улыбается, только глаза холодными остаются, когда спокойно заявляет:

– Я вас пригласил в ресторан для того, чтобы обсудить вопросы и заодно отужинать, так как я с самого утра на ногах и голоден, а есть в одиночестве я не люблю, так что, Валерия Игоревна, вы составите мне компанию, – спокойно проясняет ситуацию мужчина, приглашая меня сделать выбор.

Интуиция мне кричит, что именно в этот момент мне нужно резко подняться и уйти из этого ресторана и от этого высокомерного человека на все четыре стороны.

Но.

Я не могу...

Сжимаю кулаки и цежу сквозь сжатые зубы:

– Тогда сделайте заказ на свой вкус.

– Вот и замечательно, – улыбается, вновь становясь радушным дядечкой.

Официант оживает и перестает напоминать киборга. Принимает заказ, из которого я лишь некоторые слова знаю.

Пока ждем и мужчина мерно попивает золотистую жидкость из фужера, я решаюсь:

– Вы пригласили меня что-то обсудить, Виталий Петрович, при всем уважении, я в смятении и хочу услышать, что именно вы хотели со мной обсудить.

Кивает на мои слова. Улыбается краешком губ и оглушает меня своей прямолинейностью.

– Я не согласен с доктором Бронницкой. Скажем так. В отличие от Альфии Муратовны, я все же вижу в вас потенциал и решил дать вам шанс побеседовать, так сказать, лично, чтобы понять, насколько вы походите, чтобы стать суррогатной матерью для ребенка одного очень могущественного мужчины...

В словах Бронницкого меня что-то неумолимо напрягает...

Странно как-то звучит, царапает слух нечто такое, что я упускаю. Фокусирую взгляд на Виталии Петровиче, моргаю раз-другой, а затем меня накрывает осознанием.

И я, едва дыша, решаюсь пояснить.

– Вы сказали... мужчины... То есть я должна стать суррогатной матерью не для семейной пары, а для...

Ухмыляется и кивает едва заметно, оглушая холодными словами:

– Совершенно верно. Наш клиент не женат...

Появляется официант и ставит передо мной ароматное блюдо из нежнейшей телятины, только меня не тянет отведать шедевр. В горло и крошки не лезет. Страх опутывает щупальцами.

– Вас что-то смущает, Валерия Игоревна? – спокойно задает вопрос Бронницкий, при этом расправляя белоснежную салфетку на коленях и черпая наваристый суп.

– Одно дело – знать, что помогаешь женатой паре, а другое...

Осекаюсь под ироничным взглядом мужчины, который не сводит с меня глаз.

– Ну почему же. Общепринятая практика. Скажем так. Наши баснословно богатые клиенты очень часто задумываются о наследнике, но чем выше статус, чем значимее положение и чем безграничнее финансовые возможности, тем более предусмотрительными становятся люди. Скажем, здесь, возможно, мой клиент не хочет дальнейших распрей и спекуляций на тему его ребенка. Поэтому и решает, что ребенок будет только его, а в дальнейшем, если и появится у него супруга, то претендовать на ребенка не сможет...

Делает паузу. Зачерпывает еще одну ложку и бросает взгляд на мою вилку, демонстративно кивает.

Дает понять, чтобы я приступала к трапезе. Далее Виталий Петрович молчит, лишь активно работает челюстями, а я ковыряюсь в своем блюде и ощущаю на себе едкий взгляд. Такое ощущение, что мне лопатки прожигают.

Наконец, Бронницкий заканчивает с одним блюдом, и официант подносит следующее. Салат выглядит так же аппетитно, а я смотрю на свою тарелку и отодвигаю ее от себя.

Не могу я есть. Нервы ни к черту.

Делаю пару глотков из высокого стакана. Пока не начала пить, не понимала, насколько мучает жажда.

– Итак. Валерия Игоревна. Теперь можно и вернуться к делам, – наконец, Бронницкий утоляет свой голод и фокусируется на мне, карие глаза становятся излишне серьезными.

– Расскажите, почему вы решили стать суррогатной матерью? – щурится на мгновение. – Только правду, пожалуйста. Все равно, что бы вы ни сказали, будет проверено. Учтите данный факт.

– Мне нечего скрывать, – отвечаю ровно, – у меня папа умирает и ему требуется срочная операция. Нужны деньги. Много денег.

Поясняю и удивляюсь, что голос не дрожит, а из глаз не текут слезы. Вероятно, я выплакала все, что можно было.

– Печально. Обстоятельства, я так понимаю, заставили вас. Но тут вы вызываете сомнения. Насколько осмысленным является ваше решение? Возможны ли проблемы с восприятием?

Барабанит по столу пальцами, и я опять чувствую, что так же, как и Бронницкая, этот мужчина склоняется к тому, чтобы отказать.

– Все осмысленно! – отвечаю с жаром. – Я все прекрасно понимаю. Даже, честно говоря, немного почитала относительно этой тематики, и я понимаю, что к ребенку не буду иметь никакого отношения.

– Похвальное рвение. Ну что же. Что могу сказать, Валерия Игоревна. В принципе. Я направил информацию по вам своему клиенту. Ваше общее состояние здоровья является удовлетворительным. Никаких патологий, болезней и прочего мы не выявили. Разумеется, прочие анализы будут дополнительно проверены уже после подписания контракта.

– Господин Бронницкий, – перебиваю мужчину и задаю самый насущный вопрос, озвучиваю сумму, которая необходима для операции за рубежом, – мне нужна эта сумма...

– Валерия Игоревна. Ваш контракт превышает подобную сумму в полтора раза, – отвечает с легкой улыбкой, когда видит мое опешившее лицо.

– В полтора раза? – переспрашиваю, не веря собственным ушам.

– Да. Клиент, как я сказал, серьезный.

– Простите, а кто он? – не выдерживаю и задаю вопрос, так как становится жутковато от понимания, насколько могущественен человек, с которым я заключу контракт.

– Молодость...

Отмахивается от меня Бронницкий и уже совершенно серьезно чуть резковато отвечает:

– Вы не узнаете, с кем именно заключаете контракт. А также вы подпишите документ о неразглашении и конфиденциальности.

Оглушает меня мужчина, а затем выдает фразу, от которой у меня мурашки по коже бежать начинают сильнее и сердце сжимает страхом:

– Только после этого, Валерия Игоревна, вы встретитесь с моим заказчиком...

– Надо же, какая секретность, – выдыхаю едва слышно.

– Что поделать. Моя клиника работает с самыми серьезными людьми и у нас все весьма прозрачно и регламентировано.

– Я понимаю.

– Хотите ознакомиться с контрактом? – спрашивает, улыбнувшись.

– Он у вас с собой? – еще больше удивляюсь.

– Конечно. Я работаю оперативно и, как я уже понял, вы также спешите из-за семейных обстоятельств.

Выговаривает весьма спокойно, а у меня сердце сжимается, ведь папе действительно очень нужны деньги и все зависит от меня. Его здоровье, жизнь...

Выдыхаю с шумом и обращаю свой взгляд на мужчину и произношу тихонечко:

– Да... вы правы... У меня мало времени...

– Я понимаю, Валерия Игоревна. Для нас обоих оперативность, значит, тот критерий, который поможет быстрее разрешить ситуацию.

Комкаю салфетку в пальцах. Чувства выходят из-под контроля, а может, и действие успокоительного заканчивается, но мне так омерзительно становится, будто я на рынке... но делать нечего, на меня накатывают чувства и все же я произношу едва слышно:

– Господин Бронницкий, а когда произойдет оплата? Просто мне очень нужны деньги именно сейчас...

Кусаю губы. Тошнота подкатывает к горлу... но я не могу иначе, не могу...

– Просто я не могу долго ждать, а процесс с суррогатным материнством может затянуться, у вас есть какая-то предоплата за мою... эм... работу?

Пока говорю, зубы стучать начинают, а внимательные карие глаза смотрят на меня совершенно равнодушно. То, что у меня в голове не укладывается, для этого мужчины совершенно обыденное, само собой разумеющееся...

– С оплатой не волнуйтесь. Деньги получите сразу же, как подпишете контракт. Там все предусмотрено. Первая часть, которая покроет указанную вами сумму...

Наконец, мужчина достает из своего портфеля увесистую папку, на которую я смотрю с легким изумлением.

Передает мне, а я сжимаю кожаный переплет тонкими бледными пальцами и тихо спрашиваю:

– Где мне ставить подпись?

На мгновение темные брови приподнимаются в легком изумлении. Кажется, мне впервые удалось удивить этого хладнокровного мужчину.

– Валерия Игоревна, а как же прочитать договор? – интересуется с легкой улыбкой. – Может быть, там такого понаписано мелким шрифтом...

Вроде и шутит, и на губах играет легкая улыбка, но вот глаза... колкие, впивающиеся в меня, оценивающие... они остаются все такими же холодными и пустыми, и у меня кровь стынет в жилах от понимания, что этот человек не шутит.

Есть такие люди, стоящие за ним, которые могут выложить любую сумму за исполнение их желания, и это... это страшно, потому что человек, наделенный такими деньгами, обладает и властью, а я... я... не хочу думать, на что именно я сейчас иду.

Я и не целовалась-то толком, не встречалась... все ждала... Ждала своего мужчину, хотела, чтобы раз и навсегда. Да, глупо, да, очень не по-современному, но, с другой стороны, у меня как-то не складывалось...

То на свидании парень начинал лезть, но меня просто корбило от прикосновений, я все хотела, чтобы было правильно...

Правильно...

Так и тянет расхотаться... Так уже не будет в моей жизни, потому что сейчас я договариваюсь относительно того, как отдам собственное тело в распоряжение других людей, и я даже думать не хочу о том, что я стану просто каким-то инкубатором...

Тяжко это все представлять и думать о таком не хочется, поэтому я слегка улыбаюсь и спрашиваю в таком же шутливом тоне, правда, из голоса не удастся убрать тревожные нотки:

– А что там написано мелким шрифтом, к которому мне нужно присмотреться? Предусмотрены подводные камни?

Виталий Петрович смотрит на меня снисходительно, берет бокал и отпивает. Медленный глоток, а я смотрю, как на его шее кадык дергается, и самой страшно становится, неприятно.

В целом вроде вполне себе респектабельный мужчина передо мной, ухоженный, от которого веет богатством и уверенностью, а мне этот человек крайне неприятен. Возможно, всему виной обстоятельства, которые нас сейчас связали.

Ставит бокал со стуком на стол и оглушает меня ответом:

– Разумеется, в этом контракте есть мелкий шрифт.

Глава 5

Прямота Бронницкого удивляет. У меня сердце почти останавливается и рот на мгновение приоткрывается, демонстрируя букву “о”. Надо же... Мужчина, сидящий напротив меня, удивляет своей прямолинейностью.

На мгновение вскидываю брови, и Бронницкий совершенно равнодушно пожимает плечами.

– Вы обязуетесь всецело подчиняться пожеланиям заказчика. Его указы – это прямое руководство к действию. Вы должны правильно питаться, соблюдать режим и прочая, прочая, прочая. В принципе, ничего сверхчеловеческого. Все для блага ребенка...

Виталий Петрович говорит довольно рассудительно и заставляет меня проникнуться, хотя я интуитивно чувствую, что мужчине глубоко параллельно на мои переживания, проблемы и эмоции. Здесь и сейчас он подходит к вопросу сотрудничества, как сухой делец.

– И все же... я не понимаю... вы на основании одной медицинской карты решили, что я вам подхожу?

Смутное сомнение закрадывается в сердце, но мужчина, сидящий напротив меня, лишь ухмыляется.

– Валерия Игоревна, вы девушка разумная. Я вам вот что скажу. Мы просто так женщин с улицы не берем. Разумеется, моя служба безопасности проверила вас от и до. Я знаю все. И, конечно же, факт, что ваш отец находится в реанимации, я знал еще до того, как вы мне открыли. Была проверена также и ваша медицинская карта, ведь написать можно все, что угодно. Другой вопрос, насколько это все соответствует действительности. Вот это уже отдельный вопрос. И, конечно же, ваша биография была проверена, информация была направлена нашему заказчику и пришел утвердительный ответ. Скажем так. Ваша кандидатура была принята...

Холодный голос. Такой же взгляд. А у меня по мере того, как мужчина говорит, ледяные иголки по позвоночнику рассыпаются.

Страшно становится от могущества людей, к которым я попала... Меня внутренне колотит. И если этот Бронницкий всего лишь работает на человека, с которым мне предстоит заключить контракт, то до безумия страшно становится, кто же тогда этот самый заказчик, которого я не должна знать до момента, как подпишу договор...

– Таким образом, все предельно ясно, Валерия Игоревна.

Киваю в легком шоке на слова Бронницкого. Страшно становится от подобных возможностей, но, с другой стороны... на противоположной чаше весов деньги, которые я получу за свое сотрудничество.

– Мне ничего не ясно, – отвечаю слегка дрожащим голосом, – ваша прямота лишь пугает...

Откидывается в кресле, чуть запрокидывает подбородок, явно демонстрируя свое отношение ко мне. Теперь вижу, что Виталий Петрович, мягко говоря, видит во мне букашку, которая по каким-то критериям подходит.

– Ничто не мешает вам прямо сейчас встать и покинуть этот ресторан. Соискательниц много и, разумеется, по критериям пройдет другая...

Мне ясно дают понять, что свет на мне клином не сошелся, и я улыбаюсь краешком губ, переживая всплеск негодования и злости. Так как Бронницкий озвучил, что всю подноготную мою уже перевернул, и при этом мужчина остается совершенно равнодушным к чужому горю. Его интересует только соискательница на роль суррогатной мамы, а почему и что заставило меня идти на эту крайность, мало волнует.

Это жизнь. И она очень жестокая. Я уже поняла. Вдох – выдох. Стараюсь взять себя под контроль. Отчего-то взглядом вновь скольжу по дорогому ресторану и его посетителям. Вновь вижу ухоженных девушек, одетых ярко и броско, привлекающих внимание...

Для них, возможно, сумма, которая нужна мне для операции отца, не является неподъемной и им не нужно бросаться в крайности, чтобы оплатить шанс на жизнь дорогого сердцу человека...

Вновь смотрю на Бронницкого, изучающего меня из-под бровей, а сама, собравшись, будто в прорубь падаю, ледяную и утягивающую меня моментально на дно, задаю свой решающий вопрос:

– У вас есть ручка?

– Оперативно, – отвечает, улыбнувшись одними губами, но при этом тянется рукой и достает из внутреннего кармана пиджака золотой стилус.

Конечно, обычные шариковые ручки не для таких небожителей. Протягивает мне, и я тяну на себя холодный металл, но Бронницкий не отпускает.

– И все же мой совет: для начала прочесть документ. После того, как поставите росчерк, Валерия, обратной дороги не будет.

Выговаривает совершенно четко. Здесь не то, чтобы жалеют меня. Просто владелец клиники дает понять всю глубину ямы, в которую я падаю. Разумеется, документы, которые мне дают на подпись, составлены юристами и так, что не отвертеться...

– Обратите внимание на пункт неустойки, которую вам придется выплатить, если вы нарушите пункты контракта. Страница пятнадцать, – подсказывает, а я на себя ручку тяну, и мужчина, наконец, отпускает.

Листаю контракт и нахожу пункт, который советует просмотреть Бронницкий. На мгновение у меня в глазах темнеет, когда осознаю, что именно читаю.

– Неустойка в двойном размере от выплаченной суммы?

Обращаю ошалелый взгляд на мужчину и сглатываю едкий ком, который ядом становится поперек моего горла.

– Да, Валерия Игоревна, контракт довольно жесткий и все пункты тщательно продуманы. Имейте в виду, когда я говорю, что обратной дороги у вас не будет – это не риторика и не игра слов. Вы не сможете отойти от договора, пока не выполните все условия, иначе последствия будут неподъемными...

– Как я уже сказала, у меня выбора нет, Виталий Петрович...

Отвечаю и сжимаю ручку в пальцах.

– Я понимаю. Но все же мое дело убедиться в том, что вы все осмыслили и идете на этот шаг добровольно.

– Осмыслила, – повторяю, пытаюсь придать голосу уверенности.

– Хорошо. Еще обратите внимание на пункт двадцать пять. Вы обязуетесь выполнять все требования заказчика.

– Да. Альфия Муратовна сказала, что я должна тщательно следить за всеми назначениями и исполнять все требования, пить витамины и прочее по расписанию.

Выслушивает меня с каким-то странным лицом, а мне все кажется, что в уголках губ мужчины едва заметная ухмылка скрывается.

– И это тоже, – отвечает с легкой паузой, – а также любой приказ. Вся ваша жизнь на определенный отрезок времени будет подчинена требованиям заказчика. Его слово – прямое указание к действию.

– Я без вредных привычек, господин Бронницкий, и, думаю, здесь вам опасаться нечего. Все указания врачей вашего заказчика будут исполнены.

Прищуривается. Мои слова повисают в воздухе и мне все кажется, что владелец клиники внесет еще какие-то пояснения, но в этот момент звонит его телефон.

Бронницкий отвлекается. Достает навороченный гаджет и смотрит на номер входящего, подбирается как-то. Ощущение даже остается, будто он прямо сейчас палку проглотил, настолько он становится прямым и напряженным.

– Да-да, конечно! Как раз занимаюсь этим вопросом! – выговаривает с рвением и отчего-то поднимает карие глаза на меня и в этот момент они становятся острыми, подобно бритве. – Разумеется.

Откладывает телефон. Барабанит пальцами по столу и все так же продолжает разглядывать меня, а затем обескураживает резкой сменой темы:

– В вашей медицинской книжке, Валерия, также отмечено, что у вас не было партнеров в сексуальном плане... и здесь у нас возникает проблема...

Меня будто ледяной водой окатывают. Вспоминаю слова Альфии Муратовны относительно того, что у меня не было партнеров, и понимаю, что в принципе то, на что я иду, не может быть проведено...

Тушуюсь. Сцепляю руки, в то время как Бронницкий внимательно наблюдает за мной.

– Валерия. Вам нечего стесняться, – выговаривает совершенно ровно, – здесь вопрос, скорее, в том, насколько вы готовы пойти на подписание договора...

– Я уже сказала, что подписываю, – отвечаю четко, сжимаю пальцы в кулаки, – а этот вопрос можно уладить...

– Конечно, можно, – высокомерно отвечает Бронницкий, – но я хотел вас уведомить, что заказчик в курсе сего обстоятельства и, несмотря на подобный, скажем так, фактор, все равно согласен заключить с вами контракт при условии, что решение этого вопроса будет уже после подписания...

Бронницкий говорит так обтекаемо, что мой измученный переживаниями мозг отказывается воспринимать ситуацию адекватно...

– Я не... понимаю... – выдыхаю и ощущаю, как ладошки потеют, сердце перестает биться в груди, но мужчина передо мной остается все таким же высокомерно собранным и абсолютно равнодушным.

Все же врач он, поэтому любая тематика воспринимается с профессиональной холодностью.

– Я говорю о том, что в каком состоянии вы подпишите этот контракт, в таком и направитесь к моему заказчику, – отвечает, явно теряя терпение, а вот я опять ничегошеньки не понимаю...

– В каком состоянии? – уточняю едва слышно.

– Валерия Игоревна, – тяжкий вздох и Бронницкий снисходит до вопроса, – вы все еще девственница? Ничего не изменилось с нашей последней встречи?

У меня глаза на лоб почти лезут. С моими проблемами и переживаниями как-то об обустройстве собственной личной жизни я мало могла думать.

– Д-да, – отвечаю, еще больше краснея.

Мне кажется, что меня с головы до пят жаром стыда обдаёт. Все же говорить на столь интимную тему с посторонним человеком крайне неловко. И пусть передо мной владелец клиники и врач, но все же...

– Вот и хорошо, – опять совершенно индифферентно поясняет Виталий Петрович, – учтите. Пунктом контракта является условие, по которому в каком внешнем и физическом виде вы подписываете контракт – в таком и попадаете к заказчику.

Опять хмурюсь. Мне кажется, мой мозг буквально отказывается воспринимать корректно разговор с этим мужчиной, которого моя непонятливость явно уже начинает раздражать.

– Обратите внимание на подпункт на десятой странице. Там указано дословно, что вам запрещается менять что-либо... Скажем, волосы сейчас, как вижу, у вас длинные – значит,

недопустимо явиться к заказчику коротко стриженной, ногти короткие, значит, с наращенными не являемся. И так по аналогии дальше. В каком физическом состоянии вы находитесь в данную минуту, в таком и встретитесь с клиентом. Валерия Игоревна, вы меня понимаете или мне перейти на более доходчивый язык?

Вскидывает бровь и слегка подается вперед. Буравит меня цепким взглядом, и я киваю.

Что-то темное проскальзывает в глазах мужчины, когда он, слегка улыбнувшись, оглушает меня откровением:

– Хорошо. Так как вы сейчас девственны, то такой же и попадете к моему заказчику. И никак иначе.

Кажется, состояние дичайшего шока, в котором я нахожусь после этих оглушительных слов, просто отключает все мои реакции.

Я просто смотрю на владельца клиники и ничего не понимаю. Хлопаю глазами. Один раз, другой.

– Воды попейте, Валерия Игоревна, вам невыгодно сейчас падать в обморок, иначе я отложу подписание контракта на неопределенный срок, пока не проведу все возможные анализы, чтобы понять, является ли ваша потеря сознания каким-то спонтанным явлением или же побочка определенных болезней...

Делаю ровно так, как говорит Бронницкий. Вода освежает и позволяет удержать контроль. Сознание я не теряю, мушки перед глазами прекращают бегать.

– Не стоит так пугаться, Валерия Игоревна. В моих словах нет ничего из ряда вон выходящего. Ну, скажем, девственная плева является препятствием, ну поспешите вы с решениями и решите избавиться от нее непонятно с кем, где подцепите еще какие заболевания, а это все отразится на последующей беременности и развитии ребенка, оно нам надо?

Спрашивает, высокомерно вскинув бровь, и я качаю отрицательно головой.

– Вот и я про то. Сейчас вы чисты, как стеклышко, так что мы этот момент так и оставим. Устранение и прочие вопросы – будете решать напрямую с моим заказчиком. Еще раз говорю, в документе, который вы подпишете, все детально прописано, и вам придется надлежаще выполнять все, что вам будет сказано. Как-то так, Валерия Игоревна. Решение за вами.

Замолкает и смотрит на дорожные часы, которые опоясывают запястье мужчины. Дает понять, что я уже излишне много времени отнимаю у столь занятого человека.

А я сжимаю ручку, которую Бронницкий ранее мне дал, сжимаю и смотрю в глаза мужчине.

– Скажите, а когда деньги появятся... мне надо их успеть перевести...

Понимает, о чем я, с полуслова. Кивает и обнадеживающе улыбается.

– Как только поставите подпись, я лично сделаю перевод на ваш счет. Не беспокойтесь, Валерия Игоревна. Мы серьезная организация, которая работает в этой сфере не первый год, и мы всегда выполняем все условия по контрактам.

Киваю. Решаюсь. Документ оказывается передо мной и Бронницкий помогает мне, указывает, в каких именно местах я должна поставить подпись.

– Ну вот и все, – выговаривает с какой-то победой, а я смотрю в холодные глаза мужчины и как-то заторможено повторяю его же фразу:

– Ну вот и все...

Виталий Петрович поднимает свой бокал в безмолвном тосте, будто за меня пьет, и делает небольшой глоток.

– Ну что же, тогда за плодотворное сотрудничество, – говорит с подтекстом, и я понимаю, что у этого сотрудничества обязательно будут плоды.

В эту секунду я отдала свое тело. Не хочу думать об этом. Для девчонки, которая и не жила толком, все, что происходит, просто не вписывается ни в одни рамки.

Возвращаю мужчине ручку, отодвигаю от себя контракт, как ядовитую змею, и смотрю в глаза Бронницкому.

– Отлично, Валерия Игоревна, ожидайте звонка. В самое ближайшее время с вами свяжутся и скажут, что и как...

Продолжает совершенно удовлетворенно вещать, улыбается, будто куш сорвал, и где-то, наверное, так и есть. Услуги Бронницкого явно оплачиваются, неспроста же он выступает посредником и так печется обо всем.

Вопрос денег становится очень остро.

– Хорошо... – отвечаю, сжав пальцы, и перебарываю себя, вновь задаю вопрос, – а когда мне ждать оплату?

Сразу же тушуюсь под серьезным взглядом мужчины.

– Мне просто как можно быстрее нужно решить вопрос с отцом...

Кусаю губы, в то время как Виталий Петрович спокойно берет телефон и делает звонок. Из-за моего непонимания коротко улыбается и поясняет:

– Сейчас решу вопрос в бухгалтерии.

Киваю и успокаиваюсь. Хотя внутренне остаюсь напряжена. Все упирается в деньги. В эти чертовы бумажки, без которых никто отца лечить не будет и без которых у самого дорогого человека для меня в этой жизни нет шансов на выживание...

Опять мысли подкатывают комом в горле, и я делаю глоток, чтоб прогнать тошноту, которая накатывает из-за стресса, в котором я постоянно пребываю.

Мой телефон пиликает, принимаюсь копошиться в сумке, достаю гаджет и чуть не роняю, так как приходит оповещение из банка о поступлении денег на счет, и от количества нулей, которые я вижу... мне становится дурно.

Поднимаю глаза на Бронницкого, который отслеживает мое состояние и отвечает совершенно спокойно:

– Деньги переведены, Валерия Игоревна. Осталось дело за малым...

Вопросительно смотрю на мужчину, и Виталий Петрович сдержанно улыбается:

– С вами свяжутся.

Киваю. Сжимаю телефон в руках.

– Конечно, я готова, только мне нужно урегулировать вопрос с отцом, – отвечаю чуть с задержкой и жду от Бронницкого недовольства, но его не следует.

Мужчина сдержанно кивает. Будто дает отмашку, затем заканчивает нашу беседу.

– Ваш экземпляр контракта, – протягивает мне бумаги, которые я осторожно забираю, – можете ознакомиться со всем сводом правил, которых вам придется придерживаться.

Выговаривает с нажимом, а я... я просто не хочу туда заглядывать. Сейчас не до этого. Мой главный вопрос и стремление – спасти жизнь отца.

– Мой водитель отвезет вас, – все так же ровно поясняет Виталий Петрович и я выдыхаю, когда оказываюсь в теплом салоне, где звучит приятная и ненавязчивая музыка.

Я смотрю на темные улицы, мокрые после дождя, и не понимаю, что именно чувствую. Разблокирую телефон и смотрю на смс из банка.

Деньги не просто огромные, они запредельные какие-то, и на сердце у меня слегка теплеет, так как этой суммы точно хватит, чтобы организовать лечение отца за рубежом...

Машина останавливается у моего дома. Спешу распрощаться с индифферентным водителем и быстро иду домой, закрываю дверь за собой и только после этого позволяю себе слабость.

Сползаю по гладкой поверхности, шлепаюсь на попу и отчего-то реву, слезы текут градом, а я на бумаги смотрю, рассыпанные по полу, и отчего-то чувство у меня такое, будто я контракт с самим Дьяволом заключила...

Не знаю, сколько я так сижу, сколько времени проходит, но останавливаюсь я только тогда, когда, по ощущениям, у меня заканчиваются слезы...

Поднимаюсь неуклюже и иду в ванную, долго стою под струями, пытаюсь осознать, что на определенный отрезок времени мое тело перестает принадлежать мне...

– Хватит, Лера, нельзя рыдать...

Шмыгаю носом и вылезаю из-под обжигающих капель, заворачиваюсь в халат, даже волосы не сушу, настолько чувствую себя измотанной и выжатой...

Добираюсь до постели и буквально валяюсь на нее, думаю, что не усну, что не удастся отбиться от мыслей, которые не дают покоя, но мой организм настолько измотан, что меня вырубают моментально, я проваливаюсь в глубокий сон без сновидений и последнее, о чем думаю, прежде чем отключиться – это не миллиардер, который решил себе купить ребенка, который будет принадлежать только ему, и выгодно взял мое тело во временное пользование, а отец и разговор с врачом, который я запланировала с самого утра...

Я думаю только о спасении отца, думаю об этом, чтобы не сломаться, чтобы не разбиться на части, ведь мое сердце кричит о том, что просто так такие большие деньги не отдадут и во всем этом есть какое-то двойное дно, в которое я не хочу углубляться, не могу себе позволить просто, лучше еще немного пробыть в неведении, и самое главное – успеть спасти жизнь отца...

Глава 6

– Ну что могу сказать, Валерия Игоревна, деньги вы перечислили. Сейчас мы будем заниматься всеми вопросами относительно организации операции вашего отца за рубежом.

Выдыхаю и смотрю в лицо врача. Скупое. Безэмоциональное. Сейчас, когда перевод подтвердила бухгалтерия, Виктор Дмитриевич информирует меня относительно этапов, которые мы будем проходить.

– Скажите, доктор, а отец выкарабкается? – спрашиваю с надеждой, и лечащий врач папы морщится.

– Валерия Игоревна, мы не волшебники. Счастье, что вам удалось найти такую сумму в столь короткий срок, это увеличивает шансы и они весьма неплохие, но конечный итог зависит от многих факторов. А также и от реабилитации, которую впоследствии будет проходить ваш отец...

Слово «реабилитация» звучит для меня в новинку, и я сразу же подбираюсь.

– Реабилитация? – повторяю с задержкой, и врач кивает.

– Конечно, Валерия Игоревна, от уровня и методики, которая будет применена во время реабилитации, также зависит многое...

– А ... сколько стоит реабилитация? – спрашиваю и чувствую, как ком в горле все растет, но врач поднимает руку.

– Давайте сейчас об этом не говорить, Валерия Игоревна. Все же я считаю, что всему свое время. Конкретно сейчас перед нами главная цель – это операция за рубежом. Я не буду лукавить, шансы, как я и сказал, весьма неплохие, но все же... Исход может быть любым, но это хотя бы шанс... возможность выжить, дальше будем наблюдать, как только показатели придут к определенным знаменателям, тогда будет подключена и реабилитация, и сумма за должный уход, и прочее... она мало отличается от той, которую вы заплатили за операцию.

Врач меня буквально оглушает цифрами, и я понимаю, что то, на что я согласилась... на счете у меня остались еще деньги, но их... не хватит...

Прикусываю губу. Видимо, опять бледнею, так как врач подает мне бокал с водой.

– Валерия Игоревна, давайте договоримся. Я немного психолог, поэтому возьму смелость подсказать вам следующее – не стоит думать о проблеме до того, как она появилась. Сейчас наша главная задача – это операция. Мы сделаем все, чтобы все прошло гладко. Мы сделаем все от нас зависящее, а что будет дальше... Время есть. Посмотрим на постоперационный период, там уже будет более ясно, что именно я буду вам советовать, а пока... думаем о насущном.

Виктор Дмитриевич говорит разумные вещи, к которым я стараюсь прислушаться, но все же мысль о том, где достать аналогичную сумму – не отпускает...

– Валерия Игоревна. Не беспокойтесь. Как я и сказал, со своей стороны мы сделаем все возможное. Я вам позвоню.

Прощаюсь с врачом, покидаю больницу в расстроенных чувствах. Еще утром я летела в больницу, окрыленная тем, что все-таки удалось найти деньги, а сейчас... сейчас от радости не осталось и следа, потому что проблемы не исчезли, они всего лишь видоизменились...

За своими мыслями я не замечаю, как прохожу пару кварталов, сворачиваю вообще не в ту сторону. Моя автобусная остановка остается в другой стороне. Останавливаюсь и пытаюсь понять, как идти, чтобы выбраться на нужную мне остановку...

Тяжелые мысли кишат в голове, подобно разворошенному гнезду гадюк, и я не сразу понимаю, что у меня телефон звонит.

Нашупываю гаджет в сумке. Номер, с которого мне звонят, не определяется, но я по инерции отвечаю.

– Валерия Игоревна, – раздается четкий мужской голос... и у меня пальчики на ногах поджимаются от напряжения...

– Да. Это я, – отвечаю спустя заминку.

Сердце в груди барабанную дробь принимается отбивать, интуиция бунтует, и я подсознательно уже понимаю, кто мне звонит.

– Относительно контракта, ранее подписанного вами. Будьте готовы сегодня к девяти часам вечера. За вами заедет водитель. Можете собрать самое необходимое. Один чемодан. Не более...

Столбенею. Я как-то не ожидала, что меня еще куда-то везти будут. Думала, обговорим все и уже назначат время и дату для прихода в клинику.

Прикусываю губу. Делаю один вдох и кажется, что в пропасть лечу.

– Я... я должна куда-то ехать?! – голос предательски дрожит.

Легкая пауза на другом конце. Будто мой собеседник пытается осмыслить то, что я сказала.

– Да. Вы. Должны.

С нажимом отвечает. Без эмоций.

– Будьте готовы к положенному сроку.

– А?

Мой возглас летит в пустоту, так как мужчина на том конце провода уже отключился. Не желая ничего ни объяснять, ни говорить.

В конце концов, мне деньги заплатили не для того, чтобы я разглагольствовала. Понимаю все, и поникшая вся иду домой.

Я не читала контракт. Намеренно. Не хотела осознавать, на что подписалась. На что именно согласилась...

Хотела пробыть в мире грез как можно дольше. Да и сейчас, когда сажусь в автобус и разглядываю пролетающий город за окном, я все себя убеждаю, что там мужчина крайне состоятельный и, вероятно, хочет лично проверить суррогатную мать своего ребенка...

Мысли все плывут, и я, наконец, добираюсь до дома. Захожу в пустую квартирку, достаю с антресолей чемодан. Открываю его и...

Слезы вырываются из глаз сами собой. Я рыдаю, хотя сегодня мне казалось, что день с самого утра начался на позитиве, ведь деньги переведены и врачи берутся за спасение жизни моего отца...

А я... я стою и плачу сейчас.

– Хватит, Лера, хватит! – проговариваю своему отражению и утираю слезы.

Отмахиваюсь от мыслей и собираю свой нехитрый скарб. Беру самое необходимое. Белье. Пару маек, свободные штаны. Немного думаю и закидываю в сумку свое единственное выходное платье. Скромное. Черное. С белым воротником. Мало ли. Вдруг понадобится куда-то идти...

Ровно к девяти чемодан уже давно собран, а я сажусь на кровать и смотрю в стену. Попыталась до этого прочесть контракт, но... не смогла. Сухой юридический язык, мелкий шрифт и моя распухшая болящая голова оказались несовместимы, поэтому я забила на это дело, спрятав бумаги в рюкзак.

В конце концов, будь что будет...

Я все равно подписала все...

Телефон звонит ровно в девять ноль-ноль. Такая пунктуальность даже страшит, отвечаю быстро, так как все это время сжимала гаджет в руках.

– Валерия Игоревна... – все тот же сухой, безэмоциональный голос.

– Да...

– Водитель ожидает вас у подъезда. Черный седан представительского класса.

– Хорошо, я поняла, – отвечаю, сжав трубку пальцами сильнее, и опять пауза с той стороны, которая, впрочем, недолгая, мой собеседник интересуется скупой и лаконично:

– Вам нужна помощь с вещами?

Обращаю взгляд на свой старенький изношенный чемодан с битым боком и отвечаю спокойно:

– Нет. Я сейчас спущусь.

Мужчина отключается, не прощаясь, а я прячу телефон в карман и выдыхаю:

– Ну вот и все, Лера, больше прятать голову в песок подобно страусу не получится.

Не оборачиваюсь больше, не смотрю на свою скромную комнату, где все чисто и вещи аккуратно расставлены. Я ухожу отсюда и не знаю, сколько времени буду отсутствовать, неделю или же все девять месяцев, которые понадобятся для того, чтобы выносить ребенка миллиардера и осознать, что на этого малыша прав у меня никогда не будет...

Представительский автомобиль похож на черного ворона, глянцевого, броского. Так не вяжущегося с обычным спальным районом и хрущевками.

При виде меня водитель выходит из автомобиля и молча распахивает дверь, и я на мгновение замираю, так как мерещится, что там меня ожидает мужчина, с которым я теперь связана по контракту, но стоит подойти, как страх рассеивается.

Моего заказчика явно здесь нет. Обращаю свой взгляд на водителя, немного теряюсь, так как молодой мужчина с военной выправкой похож, скорее всего, на сотрудника службы безопасности, а не на простого шофера.

По мере моего приближения сердце бьется в груди с перебоями. Не знаю, как себя вести, робею немного.

– Здравствуйте...

– Добрый вечер, Валерия Игоревна.

Отвечает лаконично и забирает чемодан из моих рук, а я юркаю в салон. Дверь захлопывается, и я ощущаю себя инородно в дорожном нутре автомобиля. Здесь пахнет кожей и цитрусом, вставки из натурального дерева говорят о баснословном богатстве владельца.

Спустя секунду охранник возвращается и садится за руль. Плавным нажимом на педаль газа и машина выезжает с моего двора.

Мы едем по не слишком многолюдным улицам, так как погода не располагает к прогулкам. Поднимается сильный ветер. Дождь начинает барабанить подобно сумасшедшему, а я наблюдаю, как капли скатываются по стеклу, как заворачиваются в причудливые узоры.

Дождь принимается барабанить по крыше со страшной силой. На мгновение кажется, что это камни летят в нас, а я отчего-то вспоминаю присказку бабушки – “Что в дождь начинается – всегда хорошо заканчивается”...

Улыбаюсь собственным мыслям, я слишком далека от заветного “хорошо”...

В моей жизни сплошной коллапс с кошмаром, только вот надежда не угасает, она живет. За мыслями не замечаю, как мы приближаемся к зданию аэропорта. Сквозь пелену из тумана и капель я вижу знакомую вышку.

– Простите... а... мы... что, улетаем?

Встреппенувшись, спрашиваю водителя. Как-то не так я все это себе представляла.

– Да.

Лаконично отвечает водитель. Он не располагает к беседе и дальнейшим вопросам, а я, распахнув глаза, смотрю, как автомобиль заезжает прямо на территорию аэропорта, минуя постовые.

Более того, мне вдруг кажется, что автомобилю честь отдают...

Дождь мешает видеть, прищуриваюсь и не понимаю, показалось ли мне, но все же...

Сердце начинает биться в груди с перебоями. Я не знаю, что делать. Паниковать начинаю.

– Простите, а куда мы едем?! Вы знаете, у меня нет виз никаких... меня не пустят...

Слова срываются нервно, но спокойный мужчина, уверенно ведущий автомобиль, не реагирует.

– Вам визы не понадобятся, – отвечает совершенно равнодушно, а я буквально прирастаю к месту, не особо понимая, что именно он имеет в виду.

Мне визы не понадобятся, потому что мы не будем покидать страну?!

Или же у этих людей все настолько схвачено, что автомобиль останавливается у белоснежного самолета, минуя всякие проверки пограничных служб?!

Водитель предупредительно открывает дверь. Фактически вырывает меня из оцепенения и заставляет выйти. Я иду к трапу, мужчина забирает мой маленький чемодан и следует за мной след в след.

Он уже больше не походит на водителя. Оборачиваюсь и подмечаю некие особенности, которые ранее не заметила. Скорее всего, я имею дело с профессиональным охранником, который не намерен оставлять меня без присмотра.

Прямо у самолета меня встречает улыбчивая стюардесса.

– Добрый вечер, прошу, проходите, – улыбается настолько радушно, что мне даже немного не по себе становится, а стоит войти в белоснежное нутро лайнера, как у меня дух захватывает.

Я немного не понимаю, как себя вести, что делать, куда идти и вообще, как быть...

После мокрой улицы и дождя мне кажется, что я запачкаю все здесь, но радушная стюардесса с бейджилом «Алия» на груди останавливается рядом.

– Пройдите, Валерия Игоревна, занимайте любое из кресел, только попрошу на момент взлета пристегнуть ремень безопасности, вы справитесь или же вам с этим помочь?

Смотрю на девушку с голливудской улыбкой и все же не решаюсь задать вопрос. В конце концов, если бы здесь пеклись о стерильности и прочем, вероятнее всего, мне бы предложили сменить обувь или что-нибудь еще.

Поэтому я просто прохожу к одному из широких кресел и буквально утопаю в мягком нутре.

Я летала всего лишь раз и нутро обычного местного самолета эконом-класса разительно отличается от этой квартиры, которая еще и летает. Здесь и вправду салон оформлен в виде дизайнерской гостиной, а еще в углу замечаю лестницу, которая ведет на второй этаж.

Стюардесса ловит мой взгляд и поясняет:

– Валерия Игоревна, лестница ведет в спальню. Если вдруг во время полета понадобится, можете прилечь, но она, скорее, рассчитана на длительный перелет, а в нашем случае ваше кресло откидывается и вам будет удобно отдохнуть полулежа.

Девушка наклоняется и поясняет.

– Кнопочка – вот тут, – опять улыбка и абсолютно равнодушный взгляд.

Ко мне относятся как к пассажиру бизнес-джета, которому выказывают уважительное отношение, но не более.

– Спасибо, – отвечаю стюардессе.

Так и подмывает спросить, а куда же держит путь этот самолет, но... я не решаюсь. Во-первых, не хочу выставить себя оплаченной девушкой, которую даже не информируют куда везут, а во-вторых... я все равно узнаю, куда прилетела.

Пока раздумываю, мой молчаливый водитель-охранник проходит по коридору самолета и скрывается в его хвостовой части. Значит, я лечу под охраной.

– Вам помочь пристегнуться? – опять передо мной возникает Алия и я, слегка улыбнувшись, киваю.

Взгляд обращаю на иллюминатор, погода бушует, дождь льет как из ведра, а гром и молния заставляют вздрогнуть.

Страшно становится летать в такую непогоду. Интуитивно сжимаю кулаки. Девушка шелкает ремнем безопасности и отслеживает мой взгляд.

– Не беспокойтесь, экипаж состоит из лучшего состава авиации, вам нечего бояться.

Что-то в словах девушки царапает мое восприятие, и я киваю.

– Вода, безалкогольные и негазированные напитки, я принесу все, что пожелаете, уже после взлета.

И опять в словах девушки я слышу ограничения и понимаю, что мне нельзя алкоголь и газировку. Учитывая, для чего меня заказал владелец этого самолета, понимаю, что это вполне разумно, но это не отменяет того факта, что я четко осознаю, что мою свободу ограничивают и с этой секунды мое тело, кажется, больше не принадлежит мне...

Самолет взмывает вверх, а я просто откидываюсь в удобном кресле и прикрываю глаза. Метаться и бояться больше не имеет смысла. Подпись поставлена. Сделка заключена.

Прикрываю веки и меня уносит в сон, а просыпаюсь я от мягкого прикосновения к плечу. Перед глазами маячит стюардесса.

– Мы прилетели, – выговаривает все так же с улыбкой, и я киваю.

Вижу стоящего впереди охранника, который терпеливо ждет, пока я выпутаюсь из кресла и подойду.

Я вылетала из пасмурной и дождливой столицы, а стоит двери приоткрыться и мне ступить на трап, как меня окутывает жаром. Легкий ветерок ударяет в лицо и несет морскую свежесть.

Звездное небо кажется необычайно низким и звезды такие яркие, что ощущение, вот протяну я руку и сейчас схвачу на небосклоне осколок.

– Прошу вас, Валерия Игоревна, – подмечает охранник, дает понять, чтобы не задерживалась и я, восторженно, спускаюсь, уже не удивляюсь тому, что прямо на взлетной площадке меня поджидает очередной черный седан. Глянцевый блестящий даже в ночи, говорящий о достатке и богатстве его владельца.

Я проскальзываю в салон, мой сопровождающий садится на переднее сиденье, рядом с водителем, а я отворачиваюсь к окну.

Рассматриваю проскальзывающий за окном курортный город, который я узнаю. Давно мы с папой бывали здесь.

Самый лучший отпуск в моей жизни. Каникулы мечты. Море. Солнце. Ракушки, которые я собирала на пляже.

Теплые воспоминания рожают грустную улыбку на губах и хочется узнать, как там у папы дела, как все происходит, и я решаю, что утром позвоню врачу.

В курортной столице даже ночью улицы полны народа, из заведений слышится музыка и веселый смех.

Кто-то радуется жизни, в то время как моя судьба завернула в неизвестном направлении.

Дорога все длится и длится, мы объезжаем центр, все едем и едем. Пейзаж начинает меняться, улицы пустеть.

Дорога все петляет, пока, наконец, не выезжаем на безлюдную трассу, а затем меня просто укачивает, я засыпаю...

Просыпаюсь от резкого толчка, понимаю, что машина проехала по кочке, отмаргиваюсь и вижу великолепный особняк, к которому мы уже подъезжаем, минуя охранный пункт и ворота.

Я смотрю на двухэтажный дом в стиле хай-тек. Где есть панорамные окна в пол, из которых открывается явно потрясающий вид на море...

Мне кажется, что я в какую-то сказку попала. Разве что я далеко не Золушка и принца мне ждать не приходится.

Автомобиль плавно тормозит, а затем молчаливый водитель открывает мою дверь. Хочу напомнить про мой чемодан, но замолкаю, когда замечаю, что второй охранник уже несет мой скромный непрезентабельный чемоданчик в дом.

– Прошу, Валерия Игоревна.

Мне кажется, этот киборг других слов и не знает. Молча ступаю по брусчатой дорожке, которая упирается в ступеньку, прохожу вперед и оказываюсь в потрясающем доме.

Огромный холл, светлый, высокие потолки, белоснежная мебель, пастельные тона и окно почти во всю стену, где сейчас лишь тьма...

Я вглядываюсь в эту тьму и кажется, что она двигается, ползет, меняется, видимо, волны на море...

Рациональное объяснение есть, оно понятно, но как-то на душе страшно становится, особенно когда в спину ударяет бархатный голос:

– Добрый вечер...

Глава 7

Вздрагиваю и оборачиваюсь, чтобы встретиться взглядом с женщиной, которая спокойно смотрит на меня.

Высокая, жилистая, чем-то напоминающая статую, она внимательно изучает меня.

– Здравствуйте, – отвечаю тихонечко.

– Я – Марьяна Дмитриевна, я главная здесь. Если у вас будут вопросы, прошу, обращайтесь.

Киваю. Женщина с холодными голубыми глазами ни на мгновение не меняется в лице, она смотрит на меня совершенно ровно. Без всяких эмоций, и в данном случае это даже для меня положительно.

– Возможно, с дороги проголодались? Могу вам предложить легкий ужин.

Прикусываю губу. Есть мне точно не хочется, но вот спросить женщину о том, где же мой заказчик, очень хочется, и когда мы встретимся?

Да и встретимся ли?!

Возможно, все произойдет в клинике, и я даже не увижу мужчину, и где-то это для меня даже является наилучшим вариантом.

В моей голове все сходится.

Скорее всего, я проживу здесь у моря все девять месяцев, чтобы условия для моей беременности были самые лучшие...

Возможно, у богатых свои причуды и никогда не встречаться с мужчиной, который заказал меня... это ведь лучшее решение...

Поэтому я убиваю в себе порыв и не задаю никаких вопросов.

– Нет, спасибо, – отвечаю тихо.

– Может быть, желаете пройти в свою комнату? – продолжает все так же спокойно, и я киваю.

– Тогда прошу, следуйте за мной.

Женщина разворачивается и идет к лестницам, ведущим на второй этаж, я следую за ней. Мы в полном молчании проходим в коридор, который украшен напольными бра, и в целом здесь все выглядит дорого и богато, абсолютно идеально, чисто и... необжито.

Мне кажется, так должен выглядеть идеальный отель с вышколенной прислугой и не более.

– Ваша комната, – открывает передо мной дверь женщина и я попадаю в белоснежную спальню.

Уже не удивляюсь роскоши. Здесь все не для меня будто. В моем мире нет таких панорамных окон и огромных кроватей, белоснежного ковра на полу...

Я попала в чужую реальность, где богатый мужчина может купить себе суррогатную маму для наследника.

– Вашем распоряжении гардеробная, спальня и прилегающая к ней ванная комната, – информирует женщина и открывает двери, а я понимаю, что меня царапает.

– В гардеробной вещи... – тихо поясняя, и Марьяна Дмитриевна кивает.

– Да. Вещи куплены специально для вас.

Оглушает, а я замираю, потому что женщина продолжает как ни в чем не бывало и каждое ее последующее слово заставляет меня встрепенуться и впасть в полнейший шок и оцепенение:

– Владислав Олегович прибудет на днях, и я не знаю, захочет ли хозяин, чтобы вы сопровождали его во время отдыха, поэтому, получив приказ обустроить вас, также и одежду заказала...

– Сопровождать? – повторяю удивленно. – Зачем?!

Женщина еще раз окидывает меня внимательным взглядом. Смотрит на этот раз так остро, что у меня сердце болеть начинает.

– Владислав Олегович прибудет на отдых, и я не знаю, как он намерен провести свой отпуск, поэтому подготовила обычный комплект необходимого.

– Обычный комплект? – переспрашиваю и мне кажется, что у меня кровь от лица отливает.

Сомнения и подозрения. Самые темные закрадываются в душу. Мужчина. Обремененный властью и деньгами, заказал для себя девушку, которая должна стать суррогатной матерью для его ребенка, а сам планирует прилететь отдохнуть...

Что-то не вяжется.

Может, он решил провести все необходимые манипуляции в клинике под личным контролем и для этого взял отпуск?

Подсознание работает и пытается найти логичное и приемлемое для меня оправдание, но вот моя душа рвется на части от смутного предчувствия, которое только еще более растет с каждым последующим словом женщины:

– Разумеется. Хозяин намерен отдохнуть и вы здесь для того, чтобы помочь ему расслабиться от повседневных будней...

Меня настолько шокирует заявление женщины, что я замираю на месте. Даже ничего сказать не могу.

Мое молчание женщина, видимо, расценивает по-своему.

– Ну что же, Валерия Игоревна, если что-то понадобится, звоните. Первая кнопка – это внутренняя линия дома. Я или кто-то из слуг всегда ответит вам.

Ничего не отвечаю, и женщина вновь скупой улыбается.

– Доброй ночи.

Проходит рядом со мной и обдает сладковатыми цитрусовыми духами, от которых у меня резко происходит спазм желудка. Дверь за женщиной закрывается, а меня складывает пополам, я бегу в туалет и замираю над раковиной в ожидании того, что меня стошнит, но этого не происходит.

Я замираю и взгляд сам цепляется за зеркало. Смотрю на девушку, которая выглядит бледной и запуганной, открываю кран, умываю лицо.

– Поздно паниковать, Лера, – выговариваю своему отражению.

Выключаю воду и возвращаюсь в спальню. Огромную. Дорогую. Чужую и холодную. Все бы отдала, чтобы сейчас повернуть время вспять. Проснуться и папа здоров, а мы живем своей обычной непримечательной жизнью, где после понедельника идет вторник, а в пятницу релакс.

Раньше казалось, что я проживаю день сурка, у которого всегда одно и то же, но, когда приходят перемены в худшую сторону, понимаешь, что, в принципе, та жизнь была просто замечательной.

Прогоняю лишние мысли и беру свою сумку. Вытаскиваю контракт. Бежать больше некуда и прятаться также. В принципе, я уже понимаю, что подписала самый настоящий контракт с дьяволом, но на вопрос, поступила бы я иначе, если бы вчиталась... ответ у меня всплывает моментальный.

Я бы подписала, потому что от этого зависела жизнь самого близкого и родного человека.

Бросаю бумаги на постель, как ядовитую змею, и принимаюсь раздеваться, достаю свою пижаму из чемодана, который охранник занес в комнату еще до того, как я сюда вошла.

Даже мысли не проскальзывает воспользоваться гардеробной и вещами, которые куплены для той, кто тут только для развлечения миллиардера...

Сажусь на кровать и выдыхаю, укрываюсь шелковым одеялом и начинаю читать контракт, изложенный сложным юридическим языком.

В какой-то момент по мере того, как читаю хитрые предложения, где ни к чему нельзя подкопаться, меня вдруг обдает ледяным потом, потому что натыкаюсь на предложение, которое рушит все мои надежды на якобы суррогатное материнство.

“Заказчик в праве решать, где и каким способом...”

Дальше все начинает плыть перед глазами, я отбрасываю документы и падаю на подушки, слезы текут по щекам, реальность оглушает.

– Что же делать... Что же мне делать?

Задаю вопрос в темноту и слезы текут, перемешиваясь с горечью, которая комом встает на языке.

Меня оглушает подозрением, которое все больше формируется во мне. Текст, изложенный скупым юридическим языком, пугает и заставляет меня дрожать, так как до воспаленного сознания доходит, что я не буду суррогатной матерью.

Вернее, буду...

Но...

Если верить контракту. Если я все правильно поняла, то...

На коже выступает испарина, когда мысль окончательно формируется в голове, а слезы ручьем текут по щекам, ведь мужчина, который нанял суррогатную мать, может заставить меня стать реальной матерью его ребенка, а потом отобрать у меня малыша...

Я не знаю, как мне удастся уснуть. Маюсь всю ночь. Сердце в груди бьется с перебоями. Ощущение ужаса всей ситуации не отпускает, но, сколько я ни думаю, я понимаю, что шансов на отказ у меня не было, отца спасти нужно было и, возможно, моя психика поставила барьер, не допуская меня к чтению контракта.

Не знаю, что бы было, если бы я вчиталась в него до подписания.

Наверное, меня сносит в сон только под утро, и мне кажется, что я проспала всего ничего, когда вздрагиваю, просыпаясь от сильного шума. Такое впечатление, что где-то очень мощно работают какие-то лопасти или газонокосилка какая-то с ума сошла.

– Что за черт?!

Я подрываюсь с кровати и на слабых ногах иду к окну, застываю, когда вижу, как прямо во дворе огромного особняка приземляется... вертолет.

Мощные лопасти работают, слегка замедляясь, и огромная махина вертикально спускается прямо во двор. При этом особняк и его близлежащая территория просто огромны.

То, что я подметила ночью, в свете солнца оказывается лишь малой частью имения. Голубое небо сливается с морем, солнечные блики бьют по глазам, отражаясь от хромированных элементов вертолета, и заставляют прищуриться.

Но я будто замираю, рассматривая то, что происходит за огромным панорамным окном, цепенею от какого-то ужаса, который окутывает мое тело и заставляет прирасти к полу.

Поджимаю пальчики на босых ступнях. Нервы натягиваются, а я все наблюдаю за тем, что происходит снаружи.

– Мамочки... – шепчут губы, когда белоснежная махина приземляется и сердце начинает биться через раз, когда дверь открывается и из нутра огромной стрекозы выпрыгивает высокий мужчина.

Он идет, чуть пригнув голову, а я... я замираю, рассматривая мощную фигуру, широкие плечи, темные волосы цвета вороного крыла...

Кажется, будто время замирает. К этому мужчине подходят еще двое, одетых в костюмы, но сомнений не вызывает, кто именно тут главный.

Они перекидываются словами на ходу. Причем говорит тот самый, который прилетел на вертолете, остальные его слушают, хотя как они могут услышать друг друга при все еще работающих лопастях вертолета, я не знаю...

Меня же начинает дрожь пробивать, потому что даже издали я вижу, насколько жилист и крепок незнакомый мужчина, замечаю, как пиджак сидит на литых и широких плечах.

Мужчины продолжают что-то говорить, я по двигающимся губам вижу, как неожиданно тот самый незнакомец, от которого я взгляда оторвать не могу, останавливается как вкопанный и поднимает голову, мне кажется, даже на расстоянии его глаза в мое лицо впиваются.

Его темные короткие волосы цвета воронова крыла на ветру развеваются, приходят в беспорядок, а мне кажется, что он прямо мне в глаза смотрит так, что я даже двинуться не могу, и в глазах этих чудятся всполохи пламени, когда они вниз скользят, будто рассматривая мою замершую фигурку.

– Боже...

Беззвучно шепчут мои губы, а мне будто кто-то кислород перекрыл. Нечем дышать становится. Сердце в груди останавливается. Страх какой-то звериный просыпается, потому что мужчина, застывший снаружи, обладает силой, властью и мощью, от него энергетика, сшибающая наповал, идет, и только спустя один взмах ресничек мне удастся отпрянуть от окна и спрятаться.

Прижимаюсь к холодной стене и пытаюсь дыхание привести в порядок. Мне так дурно становится. Так невыносимо, что кажется, сердце в груди разорвется на части, настолько быстро бьется сейчас.

Пульс в ушах собственный хаотичный слышу. Прикрываю веки. Пытаюсь успокоиться, а потом глаза распахиваю и случайно на свое отражение наталкиваюсь в зеркале туалетного столика.

Рассматриваю бледную девушку с горящими глазами. У нее волосы длинные рассыпались по плечам в беспорядке, а привычная пижама с аппликацией бабочек выглядит чересчур откровенной, просвечивающей под лучами солнца, грудь моя видна под мягкой тканью...

Сердце на этот раз замирает, когда приходит понимание, на что именно мог смотреть тот мужчина...

Что именно я демонстрировала ему, стоя в окне...

– Катастрофа... – выдыхаю дрожащими губами и ладонь сама накрывает горло, как если бы мне воздух перекрыли.

Тело жаром обдаёт, а затем ледяным холодом, и меня будто парализует, когда слышу отчетливый стук в дверь моей спальни...

Сердце ухает в груди, когда спустя мгновение раздается еще один настойчивый стук и, уже не дожидаясь моего дозволения, Марьяна Дмитриевна заходит в мою спальню.

– Валерия Игоревна, доброе утро, как спалось? – спрашивает домработница будничным и ничего не значащим тоном, и, также не утруждая себя выслушать мой ответ, продолжает: – Господин Золотов приехал, завтрак будет накрыт через час, так что прошу вас спуститься без опозданий.

Чеканит и внимательно всматривается в мои глаза.

– Вам нужна помощь с гардеробом, быть может, что-то понадобится? – интересуется все таким же будничным тоном, а я не понимаю, что именно от меня хотят.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.